

[Polaris]

ЛУИЗА ЛЕВЕН

НЕВИДИМЫЙ ПРИНЦ

СКАЗКИ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCLV

Salamandra P.V.V.

Луиза
ЛЕВЕК

НЕВИДИМЫЙ ПРИНЦ

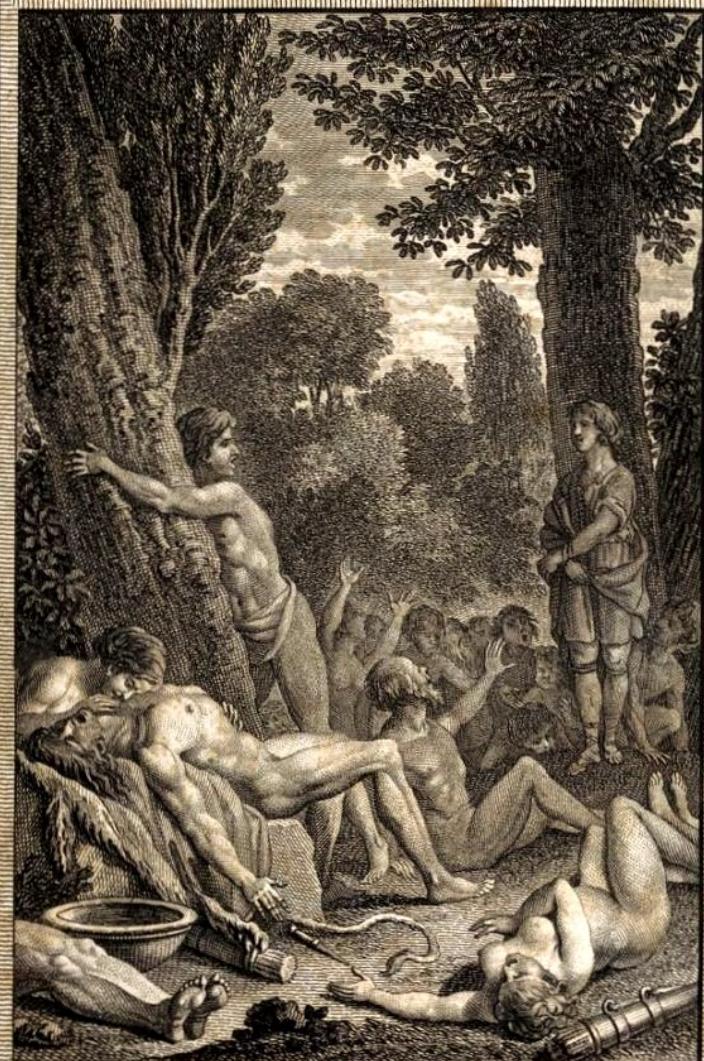
Сказки

Salamandra P.V.V.

Левек Л.

Невидимый принц: Сказки. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2020. — 67 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCLV).

В книгу вошли две классические литературные сказки французской писательницы XVIII в. Луизы Левек, отличающиеся необычными и изобретательными сюжетными ходами. Перевод сказки «Невидимый принц» переиздается впервые с XVIII в.

il étoit prêt à l'égorger, quand Soudan le poignard
tomba, et le Roi même fut renversé mort aux pieds de cel inconnu.

НЕВИДИМЫЙ ПРИНЦ,

ИЛИ

Волшебные приключения и хитрые обороты,
производимые сим Принцем
посредством волшебного камня

Пер. А. Астафьева

СКАЗКА
НЕВИДИМОЙ
ПРИНЦЪ

ИЛИ

волшебныя приключения.

и

хитрыя обороты, производимыя
съмъ Принцомъ, посредствомъ
волшебнаго камня.

Переведена съ Французскаго языка,

Александромъ Остafьевымъ.

Съ Указнаго дозволенія.

— · · · —
МОСКВА,

въ Типографии А. Рѣшетникова,

1795.

СКАЗКА,
НЕВИДИМОЙ ПРИНЦЪ.

Одна волшебница, властительница четырех стихий, имела четырех сыновей. Ее нежная к ним любовь принудила им разделить свое владение. Итак, дала старшему огонь, как наизнаннейшую из всех стихий. Сей Принц был жив и воображения пылкого. Второго сделала властителем земли; в нем глубина премудрости, благоразумия и несколько живости было видно. Третий был чрезмерной величавости и свирепой: однако, по волшебству своему мать его, чтобы скрыть от смертных столь много слабостей, дала ему владение моря. Меньшему же дала воздух; он был нрава неровного и несколько вспыльчив и следовал своим страстиам. Мать его, которая чувствительно меньшего сына любила, предвидя, что любовь его произведет несчастливым, сделала <его> отвратительным в рассуждении женщин, на что и смотрела с удовольствием. Она во время первой его молодости ни о чем больше не говорила, как об истории одного Принца, которому одна любовь причиняла несчастья, и изобразила сего Принца столь черными красками, что без труда признал сын ее, что пламя было ядом для его сердца. «Стра-

шишь, любезный сын, — говорила она ему, — страшись приятностей приманчивой любви, которая не провождает наши сердца никуда более, как к несчастьям. Сии удовольствия делают жизнь нашу краткой, и если изостренные стрелы не составляют волнения в душе, то, по крайней мере, приводят нас в слабость, которая страшнее самой смерти». Такие были советы мудрой родительницы! Она внущила в сие время в младого Принца столь чрезвычайную склонность к охоте, что он лучшие дни своей жизни препровождал оной. Она насадила сама для него лес удивительной обширности, который наполнила всякими зверями, каковые находятся в четырех частях света. Посреди сего леса построила ему замок чрезвычайно великолепный так, что с ним сравниться не может ничто.

Молодой Принц немедленно занялся удовольствием наносить войну жителям сего леса. Некогда, ехавши на колеснице, заложенной четырьмя конями, которыми он управлял сам, приближался к бегущему от него с трепетом оленю. Иногда, с удовольствием имея одну рогатину в руках, сражался с разъяренным кабаном, который поднявшейся щетиной, сверкающими глазами и пенящимся зевом устрашил бы и самого храброго смертного.

Не было ни одного дня, чтобы он не доказал своего прорвства и своей силы. Похвалы, которые делала ему его мать, некоторым образом противоборствовали любви. Но она имела право говорить о зле, происходящем от сей богини. Нельзя было принудить сего Принца, он тайно хулил все речи, которые мать ему предлагала. И хотя сия чувствительная мать, оставляя его для некоторых дел, отзывающихся в другое место, строго ему приказывала не выходить из своего замка для того, что она предвидела несчастье, которое может произойти, но он не мог сохранить сыновнего к ней повиновения.

Принц, оставшись один в замке, тотчас позабыл советы мудрой своей матери. Он час от часу более стал чувствовать скуку, и в один день захотел перенестись посредством своих духов во дворец соседнего Принца. Сей был остров Роз, климата счастливого, где зима не изъявляет никогда

своей свирепости. Там дерн всегда зелен, розовые деревья всегда в благоуханных цветах; воздух приятного обоняния, представляющий навсегда глазам изображение смеющейся весны. При первом взгляде Принц остановился. Вот пространное море, где волны приходят к берегам и разбиваются о камни. Златоперые попугай, которые покрывают поля и винограды и которыми холмы отягощены, имеют столь много предметов для удивления.

Король сего острова имел дочь чрезвычайной красоты. Она называлась Розалия. Принц духов скоро усмотрел, что позабыл о несчастьях, которые ему были предсказаны. Он в минуту лишился отвращения от любви, которое ему было внушаемо с младенчества. Удобно было сему богу в одну минуту разрушить двадцатилетнее наставление. Принц, сколько ни сопротивлялся любви, однако наконец ни о чем не стал думать, как только унести Розалию посредством своих духов к себе в замок. Какая была горесть Короля сего острова; красота и разум его дочери были одним для него утешением; он оплакивал день и ночь ее лишение. Всегда она ему представлялась. Он не имел другого удовольствия, как разговаривать с молодым Принцем, который был при его дворе под неизвестным именем. Увы! он не знал намерения, какое сей Принц предпринимал, который, видев Розалию, не мог противиться ее красоте.

В один день Король казался быть больше обремененным печалью, нежели прежде, и прогуливался по кремнистому берегу моря, где оплакивал похищение своей дочери. Сей неведомый Принц, которой один сопровождал Короля, прервал наконец его молчание. «Есть еще средство облегчить вашу печаль, — говорил он, — если вы обещаете за меня отдать свою дочь. Мои труды и моя храбрость возвратят ее в ваше государство». «Вы ничего не ищете, как только уменьшить мою горесть, — отвечал ему Король. — Я видел свою дочь, взнесенную на воздух. Ее крик умягчил бы каждого, выключая того, кто ее у меня похитил. Сия несчастная Принцесса в незнакомой земле обитает и, может быть, заключена с подлыми людьми. Однако поди, великодуш-

ный чужестранец. Ты не можешь сомневаться о твоей просьбе , но я еще сделаю тебя по себе и наследником».

Сей незнакомый был сын Короля Золотого острова, где один город занимал всю обширность острова. Тихое море обмывало всегда стены, которые украшены золотой живописью, представляющей басни. Там изображены были рождение Юпитерово, падение Титаново, убегающая Дафна от Аполлона, любовь Марса и Венеры, также ее сына и Психеи, унесение Прозерпины и тысяча других историй, которые резчик с трудом мог изъяснить. Верх сих стен насажден был цитронными, оранжевыми и всякими зеленоющими деревьями, которые составляют приятнейшие аллеи. Все дома сстроены одинаким образом из чеканного золота, окна сделаны из широкого четырехугольного горного хрусталя, которые врезаны в золоте; перила такого же металла окружали кровлю каждого дома. Все улицы вымощены золотыми плитами. Посреди сего острова построен храм, в который входят с четырех сторон. Снаружи сие здание уировано столбами, золотыми и серебряными статуями; они, стоя на преузорочных пьедесталах, представляли любовь Юноны и Плутона. Оной храм посвящен был сему богу, и тут он предсказывал будущее.

Король в минуту рождения его сына не преминул, чтоб не спросить о судьбине его. Верный истолкователь определения сего бога в приношении жертвы с страшным содроганием следующие произнес слова:

Великий Государь! я зрю, и ты внемли:
От воздуха , огня и моря и земли
Рожденный ныне Принц, твоей что есть сын крови,
Подвержен будет всем несчастьям от любови.

Одна волшебница, покровительница сего острова, была при Дворе у Короля в самое то время, как Плутон давал ответ и, желая оказать сему Принцу знак своего дружества и покровительства, подарила ему камень, который делает невидимым, когда его положишь в рот: но в то время не можно уже говорить. Вот сила сего камня!

Волшебница думала, что один сей камень может Принца избавить от всех несчастий, потому что определения судьбы ей казались страшными.

Как пришел он в возраст, то, во-первых, желал узнать, что прочая земля соответствует ли великолепию Государства отца его. Он сел на корабль под тем видом, чтобы посетить острова, подвластные Золотому острову; но ужасная буря прибила его корабль к незнаемым берегам, где варвары умертвили большую часть из его корабельных служителей, а других взяли в плен. Он не имел бы средства убежать от их варварств, если бы не служил ему камень, чтоб сделаться невидимым. И с сею хитростью прошел между их в лес, которым шел довольно долго; наконец, опять пришел на берег моря и сел на корабль. Он пристал к острову Роз и пошел тотчас во Дворец Розалина отца. Как скоро увидел сию Принцессу, то в ту же минуту в нее влюбился. Несколько уже прошло месяцев, что он об ней вздыхал, как вдруг унес ее Принц духов.

Розалия была Принцесса несравненной красоты и пре- восходной прелести, на которую смотря, и самый нечувствительный человек не может не влюбиться.

Принц Золотого острова не мог противиться столь многим приятностям. Он влюбился в нее в самое то время, как ее в первый раз увидел, и заклялся никогда не любить никого, кроме нее. Он был неутешим о похищении, и проводил дни и ночи в слезах и вздохах. «Увы! — говорил он. — Любезная моя Принцесса, может быть, я уже не увижу тебя во всю мою жизнь? Пленница в неведомом замке! Может ли смертный восстать против полубога, который питает к ней чрезвычайную любовь? Но могу я себя льстить надеждой, что любовь всякие воспящения презирает?» В сей надежде оставил он сего печального Короля, у которого унесена дочь.

Он ходил весьма долго, не получая никакого известия о Принцессе. Прошло уже несколько дней в ходьбе. Одним дремучим и весьма темным лесом, что с трудом можно видеть, где идти, как вдруг пришел он в пространное место, усаженное соснами, коих верхи касались облаков. Зеленый дерн, распещренный прекрасными цветами, покрывал

средину оного. Между дерев стояли мраморные статуи, куда солнечные лучи не могли проницать.

Невидимый Принц заметил внизу замок и почувствовал восхитительную радость, которая ему предвещала, что сие было пребывание Розалии. Сия первая была радость, которую он почувствовал после ее похищения. Он пришел к воротам сего замка, которые сделаны из агата, и прошел три двора, которые окружены были широкими каналами, наполненными чистой и прозрачной водой. Берега обнесены все решеткой весьма высокой, блестящей рубином. Птицы редкие ходили по берегам каналов, другие сидели на решетке, а прочие на кровле, которая была сделана вся из черного стекла архитектуры великолепной. Галерея, окруженная изумрудными пиястрами, провождала в сады, представляющие зелень и фонтаны удивительной красоты. Подлинно, место сие чудно. Гряды, насажденные цветами с совершенным искусством, наполняли воздух благовонием и приятнейшими духами.

Великолепие сего места, где натура и искусство, казалось, истощены, не останавливало нигде невидимого Принца. Он ни о чем не думал, как о Принцессе, и ничего не искал, кроме нее, но не нашел в сем замке. Бесполезно он переходил все кабинеты, тщетно перебегал все сады. Ему не осталось уже более видеть, как одну рощицу. Он вошел с трепетом в аллею, которая была украшена статуями. Все статуи одна от другой отделялись порогами. Сия аллея провождала в залу, окруженную померанцевыми деревьями, высочайшими, нежели каштановые. В углах сей аллеи находились четыре особливые комнаты. В первой не нашел ничего он, кроме золотой змеи, из коей пасти, глаз и ушей происходил свет, кажется, помрачающий солнце. Во второй среди изумрудного бассейна виден был Эол, окруженный ветрами, которые сделались для того, чтобы осушить наводненную землю стремительным дождем. В третьей посреди топазового бассейна воздвигнут камень белого мрамора, из которого происходил водомет чрезмерной величины.

Внизу сего камня видна плачущая Ариадна, которой из очей текли слезы столь натурально, что если б несколько

вздохов им последовало, то бы можно их почесть истинными. Ему не осталось больше видеть, как один кабинет, в котором бассейн рубиновый и статуи черного мрамора. Тут видно Мемнона простертого, а внизу находились трофеи, изъявляющие печаль о смерти. Из сей статуи выходили множество водометов.

Какое было смущение и радость невидимого Принца, как он нашел Розалию; но также, какие были последования ужасного отчаяния, как вдруг увидел он Принца духов, стоящего пред нею на коленях. «Простите вы мне преступление, — говорил он ей, — которого причиною есть любовь? Ах! вы бы мне охотно простили, если бы, что есть любовь, знали». «Нет, — отвечала Розалия, — вы меня унесли от моего родителя. Все ваше великолепие, которое вы представляете моим глазам, все ваше могущество и вся ваша любовь никогда не могут утешить. Поди, жестокий, и не надейся от меня впредь ничего, кроме ненависти и презрения». Он тотчас встал и пошел скорыми шагами, а она возвратилась в свое жилище.

Невидимый Принц ей последовал и боялся, чтоб смущение, в котором он был, его не открыло, видя Розалию, то решился тут лучше тайно проводить ночь. Принцесса во всю ночь была в печали о своем плене. Сие подало случай невидимому Принцу написать стихи, которые Принцесса, приснувшись, нашла на краю своей кровати:

Чувствительней меня ничто не поражает,
Как видеть то, что вас любовник обожает.

Принцесса не сомневалась ни одной минуты, чтоб то не был Принц духов, который написал сии стихи для узнанья ее чувства; однако, она их посмотрела и почувствовала тайное удовольствие их читать.

Невидимый Принц остался там жить, а Принц духов улетел, чтоб быть с братьями у волшебницы, своей матери, которая их собирала каждый год.

Невидимый Принц ни о чем более не сомневался, но искал способа освободить Розалию. Он хотел узнать сердце

Принцессы, и хотел увериться в отвращении, которое она имела к Принцу духов.

В один день, как Розалия, будучи в своем кабинете, рассуждала, то нечаянно увидела вышедшее перо из чернильницы само через себя, которая стояла на ее столе, и писало на месте белой бумаги. Она не могла видеть руки, которая его водила, для того, что она была невидимого Принца. Сие чудо весьма ее удивило. Наконец, как перо перестало писать, любопытство принудило ее встать и прочитать сие письмо. Она нашла следующие стихи:

Не жалуйтесь, что вы несчастливы одни:
Есть некто, кой влечит плачевней свои дни.

«Кто вы ни есть, — отвечала Розалия, — благосклонный дух; но как я не сомневаюсь, что вы таковы, потому что моя печаль делает вас чувствительным по словам, как я страдаю. Кто вы ни есть! Увы! Какое несчастье может принудить вас более скорбеть, нежели я?» То же перо написало в минуту и на той же бумаге сей ответ:

Слова тревожат вас, но я печаль терплю,
За то, что искренне тебя одну люблю.

«Вы меня любите? — вскричала Принцесса. — Ваша любовь делает вас еще сто раз несчастливее; понеже, без сомнения, вы подвластны Принцу духов, который меня содержит здесь пленницей. Может быть, вы самый тот Принц. Да может ли любовь некогда освободить меня от слов, которые мне несносны?»

Невидимый Принц весьма обрадовался, видя отвращение, которое Розалия имела от Принца духов. Сие всегда есть удовольствие для любовника несчастливого, видя своего соперника презираема.

Между тем, Принцесса не могла удержаться от слез. «Увы! — говорила она, вздыхая. — Вы не знаете жалостного состояния, в котором я нахожусь. Ваша храбрость делает вас безопасным против всех счастий, чтобы меня освободить.

Но вы не понимаете из моих слов, чего я желаю. Мне весьма приятно будет, если вас увижу». Невидимый Принц пришел в трепет от сих слов. Он узнал из слез прекрасной Розалии, что она имеет отвращение к Князю духов. Какая была его горесть! Он не иначе как трясущейся рукой написал следующее:

Коль любишь ты меня, я страхи все презрю,
Мученья, горести, печали претерплю.

Чего не может произвести желание вольности? Некоторый был страх признания для Принцессы, что она его любила. Наконец, по прошествии некоторого времени, прервала молчание: «Чего вы от меня требуете, — сказала она ему, — и что не должна ли я бояться такой же доверенности, какую я вам хочу препоручить? Я предвижу все несчастья, который могут со мною произойти; но ваши клятвы меня ободряют, и я не знаю, что истогает из глубины моего сердца то, о чем мне должно было молчать.

Я была в один день в саду моего родителя, окруженная многочисленностью двора, занимаясь удовольствием принимать от них ко мне должное почтение, как вдруг из леса, который окружал долгий канал, где я прогуливалась на шлюпке, вышел младой чужестранец, которого красота и приятность всех нас удивила. Она казалася быть удивленным видом наших позлащенных шлюпок и украшенных цветами. Он остановился и провожал нас долго своими глазами, но наконец я его потеряла из виду. Я почувствовала, потерявши его, великое беспокойство. Я была в задумчивости весь остаток дня, и сие было до тех пор, как вошла в жилище моего родителя. Тут моя прошла задумчивость. Я нашла сего самого чужестранца и покраснела, увидевши его, не могла слушать без смятения, как он рассказывал моему отцу свои похождения. Он не хотел никогда скрыться, и я его видела всякий день, чувствуя удовольствие опять его видеть. Я не противилась сей любви, и нашла незнакомца достойным моей горячности. Я желала заметить из его взглядов, нравлюсь ли я ему, и нашла, что я была любима. Я жила сча-

стливо! и видела беспрестанно то, что любила. Но что сделалось? Принц духов, сей варвар, меня от него отлучил». Розалия не могла скрыть слез, а невидимый Принц не мог больше быть скрыт; он вынул изо рта камень и бросился к ногам Розалии. Рассудите о внутреннем их восторге. После долгого разговора о взаимной горячности, приняли они намерение выйти из замка Принца духов, но камень, который делал невидимым, служил только для одного человека. Должно, чтоб Принц Золотого острова, для освобождения Розалии, подвергся всем яростям Принца духов. Но как он на сие решился, «оставьте меня, — говорил он ей, — оставьте меня, любезная Принцесса; я один подвергнусь Принцу духов. Бегите из сего места». Розалия не хотела разлучиться. «Нет, Принц, — отвечала она ему, — сие пребывание не кажется мне больше ужасным с тех пор, как вас я увидела. Вы имеете волшебницу, которая вас защищает и которая бывает во все времена года во дворе родителя вашего. Вот время, в которое должна она быть. Ступайте, Принц, и старайтесь выпросить такой же камень, как у вас; он нам нужен, чтоб уйти вместе». Принц духов возвратился, а невидимый Принц спустя несколько дней отправился в путь. Он не мог скоро расстаться с Розалией, однако спешил идти ко двору Короля Золотого острова, но излучины сего леса препятствовали выйти, и он не мог скоро прийти, а волшебница уже отъехала; его горесть была чрезвычайная, дожидаться же волшебницы еще три месяца, а Розалия долженствовала все терпеть. Он был неутешен и захотел возвратиться в замок Принца духов, чтобы провести сии три месяца с Розалией, как, проходивши одну аллею, которая оканчивалась на берегу моря, где он должен был сесть на корабль, увидел дуб ужасной величины, коего внутренность была пуста. Из него вышли два Принца, которые разговаривали между собой; ибо они не приметили невидимого Принца и не опасались говорить громко, потому что думали, что они одни.

«Долго ли мучиться вам, — сказал один, — страстью, от коей вы не имеете возможности быть счастливым. Неужели вы не имеете ничего в вашей империи, чтобы вас могло

утешить?» «К чему мне служить, — отвечал другой, — быть Принцем земли, если я никогда не могу быть любим Принцессою Аржантиною? Вспомнишь ли ты, с тех пор, как мы прогуливались в саду ее и, спрятавшись за густым палисадником, который окружал фонтан, испещренный раковинами и каменьями, где струи составляли ванны; так же чисты и так же светлы, как хрусталь. Мы увидели Аржантину, которую дневной жар принудил прийти искать прохладного места в сей рощице, где солнце не может проникнуть, не взирая на всю его светлость, где дыхание зефира сохраняет во всякое время приятную прохладность. Она села на дерновую лавочку, украшенную тысячью цветами, окружающими сей фонтан. Прозрачность и журчание сих вод принудило ее купаться, и ты видел, как она погрузилась.

С сей минуты я не могу престать о ней думать; ее образ представляется мне днем и ночью.

Я ее люблю, и известен, увы! что она никогда не будет меня любить. Ты знаешь, что я в своем замке имею кабинеты времен. В первом зеркале представляют прошедшее, во втором показывается настоящее, а в третьем открывается будущее. Сие было начертано в последнем, что я несчастлив с того времени, как оставил Аржантину. Но увы! невзирая на всю мою горячность, не видал я ничего, кроме презрения и соровости. Суди о моей любви и о моих несчастьях, потому что я, пренебрегая все сие, чувствую, что ее буду любить вечно».

Принц Золотого острова, который слушал их разговоры, удивился, узнавши, что Принц земли любил Аржантину. Она была его сестра, и уповал чрез него выпросить у Принца духов, его брата, вольность Принцессе острова Роз. Он весьма желал идти в кабинеты времени. Принц земли и его наперсник вошли в свое дерево и возвратились в принадлежащее им владение.

Невидимый Принц заметил дерево и прилагал всевозможное старание его отворить, но сие было невозможно; оно отворялось потаенно и ему неведомо. Наконец желание знать, любит ли его еще Розалия и будет ли любить всегда, принудило отложить отбытие на несколько времени. Он

дождался в сей аллее, лаская себя надеждой, что Принц земли опять выйдет, в чем и не обманулся. В один день увидел он его опять, разговаривающего с наперсником, и невидимый Принц вошел в дерево, которое было не заперто; потом сошел по лестнице, сделанной из черного дерева и выложенной слоновой костью. Сия лестница вела к дверям, которые были красной чеканной меди. Он отворил; он вошел в галерею длины и ширины удивительной. Сия галерея открыта с двух сторон: одна провождала в приятные сады, а другая к озеру. Все, к ослеплению зрения, украшено было мрамором и окружено лесом. Он вошел в сию галерею, в которой простенки зеркальные, мебели золотые и серебряные; видны лучшие сосуды, превосходные статуи и карнизы редкого фарфора. Внизу сей галереи серебряная дверь, на которой невидимый Принц прочитал сию надпись:

Дела прошедшие, хоть сколько б было лет,
Что ныне есть и впредь, являет кабинет.

Невидимый Принц напрасно старался отворить сии двери; его труды были тщетны: они запирались неизвестным образом. Принц земли один их знал отворять; и после, как он их отворил, то невидимый Принц вошел в кабинет прошедшего, где увидел тот канал, на котором в первый раз Розалию узнал, и тут-то унес ее Принц духов. Он видел сего Принца, стоящего перед нею на коленях в кабинете статуи Мемнона. Сие ничего не производило, кроме возобновления его печали. Он не мог удержаться от слез, увидя, сколько после ее похищения Принц духов ее мучил. Его ярость и гнев, казалось, изображены были на глазах. Он держал ее в жесточайшем плену час от часу, и она не имела возможности выходить из своего жилища. Сия несчастная Принцесса провождала дни и ночи в слезах.

Столь жестокое состояние весьма чувствительно было для невидимого Принца: он, закрыв глаза, чтобы освободиться от горести, вышел в минуту из сего несчастного кабинета, но любовь, невзирая на то, его воротила. Какое было изумление видеть Розалию у окна, которое представляло

часть прозрачной воды, где она писала при свете луны письмо; он приблизился к окну и читал следующее:

Свидетельница будь, о светлая луна!
Как варвар яростный тиранит он меня.
Хоть много он везде имеет своей власти,
Но утушишь не мог мой жар любовной страсти
Ко Принцу острова Златого; он мне мил,
И я верна ему, а варвар мне постыл.

Чтение сих стихов тронул сердце невидимого Принца. Он сжался над судьбою Розалии; но его горесть была чрезвычайна, как увидел вошедшего Принца духов, весьма разъяренного, в жилище Принцессы; он казался грозящим сделать ее плен еще жесточе, если она не будет ответствовать его желаниям. Его пылающие глаза огнем, поступка скорая, вид суровый, телодвижения угрожающие показывали варварство и ярость.

Невидимый Принц не мог смотреть на зрелище толь жестокое. Он вышел из кабинета прошедшего и вошел в кабинет настоящего. Тут он увидел Розалию, сидящую на берегу. Она держала в своих руках то письмо, которое он писал в то время, как был в замке Принца духов. Она, казалось, читала с удовольствием, и ее приятные и страстные взоры показывали смятение и любовь.

Невидимый Принц весьма желал войти в кабинет будущего; но Принц земли никогда в него не входил: он знал, что не увидит там ничего, кроме холодности и презрения от Аржантины.

Невидимый Принц провел несколько времени в кабинете настоящего; и уже зеркало показало возвращение волшебницы, которая его защищала. Отсутствие Розалии ему меньше было тяжко, нежели волшебницы, потому что он первую всегда видел. Итак, невидимый Принц, не теряя времени, чтобы застать волшебницу, вышел из кабинетов времен и отправился ко Двору Короля Золотого острова. Прибывши, попросил у волшебницы такого же камня, ка-

кой он от нее прежде получил и она в том ему не отказалась. Он отправился тотчас для освобождения Принцессы и пришел к лесу, окружающему замок Принца духов. Он пошел по следам, которые были сделаны в последний раз, и наконец достиг ворот замка; перебегал все комнаты, не нашедши Розалии, потому что не сыскал кабинетов в садах, где она прежде находилась. Тщетное старание! Он погрузился в великую печаль и покушался тысячу раз лишить себя жизни; но удержался от того, вспомнив о кабинетах времен, где он может видеть, что приключилось с Розалией и в каком месте она находится. Итак, опять перешел лес до моря, где должно, севши на судно, ехать к Золотому острову, и подошел к подошве дуба, чрез который входят в замок Принца земли. Он сошел по лестнице и отворил кабинет прошедшего. Какое было его удивление, как он увидел, что Розалия уронила одну бумагу из тех, которые он писал, будучи в замке Принца духов, и что Принц, поднявши ее, пришел в такое жестокое сердце, что унес ее в минуту в замок, стоящий внизу горы, которой вершина досязала облаков.

Он хотел видеть, что Розалия делала в сие время, и вошел в кабинет настоящего. Он увидел ее в долгой зале, где Принц духов делал комнату из хрусталия. Он изображал все дела Принцессы, и Принц стерег ее день и ночь чрез духов, которые ее никогда не оставляли; она была в слезах и вздыхала беспрестанно; ее горесть видна была на глазах, испущающих слезы.

Невозможно изобразить отчаяния невидимого Принца. Он увидел унесенную свою Принцессу в ту минуту, как готов был ее освободить. Он не знал, где найти тот замок, в котором Розалия живет, потому что покрыт облаками; также не ведал ни горы, ни земли, где она могла быть. Наконец вышел из замка Принца земли и вознамерился пройти весь свет, чтоб найти Розалию. Он прибыл на берег моря, где, вошедши на корабль, отправился ее искать.

Волны были тихи, ветр благополучный раздувал паруса. И уже он потерял из виду берег, как вдруг воздух помрачился и море всколебалось, и возвещало чрез пенящиеся волны близкую бурю. Моря жестокость час от часу умножа-

лась, и корабль Принца Золотого острова после долгого волнования наконец был носим жестокими морскими ветрами, которые стремились к берегу. Он стал на мель, и между остатками разбитого его корабля Принц ухватил доску. Он был долго игралищем ветров и волн, но наконец пристал к неведомому острову. Его удивление было чрезвычайное, как услышал он раздающийся ужасный крик, и тотчас приятный голос от симфоний и песней, которые его прельстили. Сия чрезвычайная странность принудила его приблизиться. Он пришел к самому лесу, который остерегали два дракона. Все их тело покрыто желтоватой чешуей; их извижающиеся хвосты касались земли; они выбрасывали пламя из челюстей и из ноздрей, и их сверкающие глаза устрашили бы и самого храброго из смертных. Но как Принц был невидим, то сии чудовища не препятствовали его входу. Он вошел в лес. Сие было лабиринт, потому что множество и разность аллей препятствовали его странствованию. Он шел долго, не видавши никого, а нашел только множество человеческих рук, которые видны были из земли до кисти и которые имели золотые круги, изображающие имена умерщвленных. Он многие из них прочитал; но все сие не уведомило его ни о чем. Его любопытство умножилось чрез меру, как он входил в лабиринт. Наконец, посредине кипарисной аллеи он нашел два мертвых тела. Он узнал чрез оставшуюся в них теплоту, что они недавно убиты. Сие больше его устрашило, что они имели при себе шерстяные веревочки огненного цвета, которые надеты на шеи, и что всякий держал оных конец, и казалось, будто сами удавились. Они имели на ладонях золотые круги, где написаны были имена их и двух Принцесс.

Невидимый Принц признал их владетелями двух знатных островов, которые находились в соседстве с Золотым островом; но имена двух Принцесс ему были неизвестны. Он сжался на судьбину сих несчастных Принцев и, знавши, какое должно иметь почтение к умершим, сделал вскорости яму на краю аллеи и их схоронил. Рук сих несчастных Принцев не мог он зарыть. Они выходили из земли и остались возвышенны до низа золотого круга, который был

изображен на их ладонях.

Невидимый Принц продолжал свой путь, рассуждая о странности сего приключения. Он не только видел сих Принцев, но, еще повернувши из одной аллеи, увидел великана, которого горесть, казалось, начертана была на его лице. Тяжкие вздохи вылетали из его груди, и ручей слез тек из его глаз. Он держал шерстяную веревочку огненного цвета, такую же, какую невидимый Принц нашел на шеях двух мертвых Принцев. Он последовал несколько времени сему незнакомцу, не слыхавши от него ни одного слова. Отважность, казалось, ему сопутствовала: всегда был погружен в горести, и ничто не извлекало его из задумчивости. Наконец, повернул он в лимонную аллею, где невидимый Принц увидел такого же человека, так же печального и задумчивого, как первый. Сии два незнакомца приближались друг к другу, обнялись, ничего не говоря, и оба надели свои веревочки из красной шерсти на шею и, в минуту удавившись, упали на одну сторону. Невидимый принц не мог быть так скор, чтоб отвратить их от намерения. Тщетно пробовал он развязывать шерстяные веревочки: сие было невозможно. Он их погреб также, как и двух первых, и их руки так же вышли из земли до низа золотого круга, который они имели на ладонях. Невидимый Принц не смел открыться. Он боялся какого-нибудь волшебства и начал уже отчаиваться, чтобы не заблудиться в сем лабиринте, как вдруг увидел драконов, которые стерегли вход. Он вышел и, входя далее в остров, пришел к воротам окруженного стеной большого места, где он увидел великое число людей, из которых иные лежали на дерновых кроватях, другие прогуливались по берегу ручья, а некоторые сидели под густыми деревьями и провождали все время дня в танцах и пирах. Приятнейшая музыка раздавалась в сих местах, пение птиц мешалось с великим согласием и все сие, наконец, казалось, дышало радостью и удовольствием.

Невидимый Принц приблизился и, входя, увидел разговаривающих молодого Принца и молодую Принцессу. «Вы меня любите, — сказал Принц, — и вы клялись любишь меня до гроба; но, может быть, презя свою клятву, вы не бу-

дете любить меня всегда и, может быть, через вашу ветренность вы заставите меня скоро иметь прибежище к волшебнице отчаяния, владетельнице половины сего острова. Там находятся любовники, отчаявшиеся в неверности своих любовниц и хотящие лишиться своей жизни. Волшебница, которая их содержит, вводит их в лабиринт, который сделан так, что можно по нему ходить бесконечно, не говоря друг с другом ничего. Она дает им в руки золотые кольца, на которых написаны имена неверных их любовниц. Она также дает шерстяные веревочки огненного цвета, которые не могут до тех пор действовать, пока отчаянный любовник не найдет такого же другого; а когда найдет, то, приблизившись один к другому, надевают их на шеи и веревочки стягиваются, тотчас их умерщвляя. Первый, кто их найдет, погребает, руки же их выходят из земли до низа золотого круга. И так остаются они вечным знаком неверности своих любовниц. Как бы сия смерть страшна ни была, — продолжал Принц, — она бы мне была приятна, если бы я потерял ваше сердце».

Чрез разговор сих двух любовников невидимый Принц узнал, что он находится в острове любовников и что он вышел из лабиринта отчаяния, куда несчастные любовники приходят оканчивать свою жизнь. Он приблизился к собранию счастливых любовников, которые не были отделены один от другого, кроме одного простого палисадника.

Невидимый Принц перебегал все сады и не нашел во всех сих местах, кроме веселых любовников, никого. Но их счастье ничего не составляло, выключая, что возобновляло его горесть. Он, вышед отсюда, искал мест больше отдаленных, где бы уединение и тихость воздержали лучше его страсть.

Он сел на камень, которого край вдался в море, и проводил дни, думая о Розалии. «Судьба, — говорил он сам себе, — не перестанет меня гнать! Мое несчастье и кораблекрушение довольно меня отяготили горестью, когда сама любовь не присоединяла своих жестоких трудов. Отдален от Государства Короля, моего отца, без надежды когда-нибудь его видеть. Я веду здесь жизнь мучительную, а боги еще ум-

ножают мое мучение. Если бы я терпел один, то бы мне сие казалось легко; но Розалия плененна; я плыл ее освободить. Жестокое море, несчастное кораблекрушение, коль чрезвычайной горести стоишь ты моему сердцу!» Глаза сего Принца покрылись слезами. Он не думал днем и ночью ни о чем, кроме способа выйти из сего острова; но отчаялся, услыша чрезвычайный шум: волны на море возвышались до облаков, берега гремели издалека страшным ревом, и наконец увидел из глубины волн выходящую женщину, которая бежала от яростного Гиганта.

Жалостный крик, испускаемый ею, умягчил невидимого Принца. Он вынул изо рта свой камень и, взявши оружие в руки, побежал сражаться с Гигантом, чтобы дать время сей несчастной уйти. Но Гигант коснулся его жезлом, находящимся у него в руках, и Принц сделался неподвижен. Гигант приблизился к своей добыче и, взявши в свои руки, поверг в море.

Потом вышедшие Тритоны связали Принца Золотого острова и, приведя его в чувство, оставили в ужаснейшем состоянии. Сожаление для него было дорого: он мог более служить сам себе своим камнем и увидел себя, втащенного во глубину волн и без надежды когда-нибудь освободиться.

Гигант был третий сын волшебницы четырех стихий и владетель моря. Он коснулся Принца Золотого острова жезлом, который имеет силу делать смертного пленником и жить в средине вод. Тогда Принц Золотого острова поведен был теми же Тритонами, которые его связали, в место, где он ничего не видал, кроме страшных чудовищ, и проходил неизмеримые леса, наконец, сошел в ужасную бездну. Он пришел в широкое место, окруженное страшными камнями. В средине находился один камень ужасной величины, на котором Принц Золотого острова увидел сидящего Гиганта, того самого, который коснулся его жезлом, подобно на троне. Длинная его борода досязала пояса, лоб лысый с морщинами, глаза ввалившиеся, голос суровый устрашил бы каждого из смертных, кроме Принца Золотого острова. «Безрассудный, — сказал ему Гигант, — смертью бы тебя надлежало наказать за твою дерзость; но жить и терпеть

наказание всегда жесточе; умножай ты число пленников, которых мучить мне приятно». Итак, приковали Принца Золотого острова к камню. Он не один был в таком жалостном состоянии. Все сии камни были обременены Принцами и Принцессами, которых Гигант держал в пленау. Сие чудовище нарочно восстановлял бури, дабы умножить число сих жертв, и хватал с радостью, которые гибнут.

Принц Золотого острова не мог пользоваться своим камнем, потому что он был прикован. Он вздыхал день и ночь. Воспоминание о Розалии было для него чувствительнее всех мук, которые он претерпевал. Но наконец в один день Гиганту вздумалось сделать себе удовольствие заставить сражаться некоторых из сих несчастных, коих он держал прикованных. Жребий пал на Принца Золотого острова. Его отростили, и тотчас, как он сделался свободен, положил камень в рот и стал невидим.

Какое было удивление Гиганта, как увидел исчезнувшего Принца Золотого острова. Он приказал, чтобы захватили все проходы. Невидимый Принц прошел между двух гор. Он шел долго лесами, где не видал ничего, кроме чудовищ престрашного вида. Он переходил с горы на гору, и после всех трудов увидел себя на берегу моря при подошве горы, которую узнал, что она есть та самая, кою видел он в кабинете настоящего, что тут Розалия содержится в пленау.

Обыкновенно счастье играет человеческими действиями; несчастья, которые кажутся нам бесконечны, бывают часто источником близкого счастья.

Он вошел на вершину горы, которая до облаков достигала; на ней увидел он замок. В оный вошел и прошел аллею, посреди которой увидел хрустальную комнату. В сей комнате духи стерегли Розалию денно и нощно. Туда не было никакого входа. Чрезмерное затруднение! Он не знал, как уведомить Розалию о своем возвращении; видел беспрерывно ее плачущую. Горесть сей Принцессы уязвила сердце сего невидимого Принца.

Ревность Принца духов можно узнать из сего, что он за малое подозрение перенес ее на конец земли. Со всем тем надобно было уведомить Розалию. В один день, как Роза-

лия прогуливалась в своей комнате, приблизилась к хрусталию, который служил ей стеной. Она испугалась, увидя, что он потуск, подобно бы кто на него дул. Она хотела стереть; но еще больше удивилась, что сие не с ее стороны. Розалия переменила место, но и там хрусталь потуск. Тут-то уже догадалась, что пришел ее любовник, и начала просить Принца духов, чтобы он сделал плен ее несколько приятнее, в котором она содержалась, и позволил прогуливаться по часу в день в долгой зале. Принц духов ей позволил. Она тотчас вышла и невидимый Принц дал ей в минуту камень, который, положа в рот, сделалась невидимой. Невозможно изобразить ярости Принца духов. Он тотчас приказал подвластным духам полететь по всему свету и привесть Розалию, как скоро увидят место, где она скрылась. Духи полетели исполнять приказ. Между тем, Розалия и невидимый Принц, рука за руку, пришли к дверям залы, через которую выходили в сад. Они отворили ее тихонько, и уже их сердца сокровенное чувствовали удовольствие, что скоро друг друга увидят, как вдруг яростное чудовище пробежало между их. Принцесса его испугалась и бросила руку своего любовника. Они долго искали друг друга, говорить же не могли, потому что были невидимы; они слышали приказ Принца духов, чтоб их тотчас поймать, как скоро покажутся.

Увы, сколь была чувствительна их горесть! Принцесса, долго ходивши по сему лесу, остановилась на берегу ручья; она написала на всех деревьях: «Если Принц, мой любовник, придет в сии места, то знал бы, что я здесь влачу мою жизнь и что я прихожу каждый день на берег сего ручья, которого струи умножаются моими слезами». Дух, летевший мимо сих мест, прочитал сии слова и рассказал Принцу духов, который, сделавшись невидимым, пришел к сему ручью. Он дождался Розалии и подал ей руку, которую Принцесса почла за руку Принца Золотого острова. Принц духов связал ей руки шерстяной веревочкой и сделался вдруг видим; потом закричал своим подвластным духам, чтобы унесли ее в ужаснейшее жилище.

Невидимый Принц, пришед в сию минуту, увидел Принца духов, летящего по воздуху и держащего в руке шерстя-

ную веревочку. Он не сомневался, что сия была Розалия, которую он тащил. Невидимый Принц погрузился совсем в отчаяние. Его первое намерение было лишиться жизни. «Могу ли я пережить свои несчастья? — говорил он. — Кажется, что жребий не допускает меня увидеть конец моих несчастий. Увы! что сделается со мною? Могу ли я когда-нибудь узнать место, куда сей варвар унес Розалию?» Сей Принц решился умереть, и его горесть довольна бы была для прекращения его дней; но надежда узнать через кабинеты времен, где Принцесса оставлена, от того его удержала. Он продолжал дорогу лесом и, ходивши несколько времени, пришел ко входу храма, который стерегли два льва ужасной величины. Он вошел в него, будучи невидим. Посреди сего храма возвышен жертвенник, на котором лежала превеликая книга; конец сего храма закрывала завеса. Любопытство невидимого Принца принудило его открыть. Он увидел на кровати спящее дитя, узнал по его стрелам, что это был Купидон. Он глядел несколько времени на сего бога, которого носил оковы, и чувствовал внутреннее удовольствие видеть спящего своего победителя. «Увы! — говорил он сам себе. — Сие лютое дитя наслаждается покоем; которое отнимает у всего света оный. Можно ли, что я его еще люблю, невзирая на все мучения, которые должно мне терпеть? Дорого я заплатил за удовольствие носить его оковы». Невидимый Принц боялся, чтобы не разбудить Купидона, задернул завесу и подошел к жертвеннику, на котором видел книгу. Она была записки любовников. Невидимый принц нашел имя Розалии и прочитал о ней. Тут были сии слова: «Розалия должна быть унесена Принцем духов в глубину бездны, где нет ничего, кроме позлащенного фонтана».

Земля, которую орошал сей фонтан, была неизвестна ему. «Куда я пойду? — говорил он. — Как можно найти место, которого я не знаю, кроме имени? Увы! может быть, всякий шаг, который я сделаю для ее сыскания, меня удалит больше».

Невидимый Принц, вышедши из сего храма, пришел в средину шести аллей, как вдруг увидел в одной аллее двух человек, которые шли к нему. Он их скоро узнал. Это были

Принц земли и его наперсник. Желание узнать об Аржантине принудило невидимого Принца за ними последовать и слушать их разговор. «Я принял твой совет, — сказал Принц земли, — и разрушил оковы, которых бремя меня отягощает. Я знаю, что Аржантина меня не будет любить, но я ее обожаю. Всякий день она мне становится милее, и я почитал бы себя счастливым, если б хотя один день был ею любим, но при всех моих стараниях ничего я не получил, как только узнал ревность. Я непременно почел, что она любит другого и в том, думаю, не ошибаюсь. В последний раз, как делал я для нее бал, то приметил смущенные ее взоры, кои показывали беспокойстве ее души. Несколько я к ней ласкался, но она только с холодностью на меня взглянула. Она любит, любезный Лизистрат. Я могу в том удостовериться от позлащенного фонтана. Сей фонтан испускает воды в конце сего леса. Золотой песок, такой же мелкий, как пыль, окружает его берега. Одна капля слез, которую испустишь на песок, в ту же минуту покажет имя соперника, которого она любит. Чего я боюсь, любезный Лизистрат! и сие есть самая истина моего несчастья».

Невидимый Принц не хотел отстать от Принца земли для того, что он имел случай найти фонтан, который провождал в место, где Принц духов содержал Розалию. Принц земли после многой ходьбы пришел наконец на берег позлащенного фонтана. Он целовал его, вздыхая, и уронил каплю слез на песок. Тут тотчас означилось имя Принца огня, его брата. Печаль его поразила и он, упавши в обморок, остался в руках Лизистрата.

Невидимый Принц, который не подозревал Розалию, не думал ни о чем, как только о ее освобождении. Как он имел удобность сходить в воду без повреждения, то опустился в фонтан и увидел в одном углу дверь, которая провождала на гору; он сошел с великой поспешностью, чтоб освободить Розалию, не видал у подошвы горы ничего, кроме одного камня, у которого привязан ягненок, и на сем ягненке шерстяная веревочка, которую невидимый Принц перерезал и получил тотчас руку Принцессы, почувствовавшей в своем сердце, что сия рука есть ее любовника. Много просьб,

которые делал ей Принц духов, чтобы она вынула свой камень; однако, она не хотела и была всегда невидима. Сей камень, который делал невидимым, не мог быть отнят силой никем, кроме того, кому он принадлежит; а Розалия боялась, чтобы Принц духов у нее его не отнял, если она вынет изо рта.

Невидимый Принц и Принцесса прошли воду вместе; но Розалия не могла проходить сквозь воду так, как невидимый Принц, и не могла пройти сквозь позлащенный фонтан. Они были на краю сего ручья, обнявшись и обливаясь слезами, но не могли ни видеть друг друга, ни говорить. Плач и вздохи были одна речь сих несчастных любовников. Ярость Принца духов в великий страх их приводила. Он восстановил в воздухе ужаснейшую бурю, как, возвратившись с охоты, увидел унесенную Розалию. Жесточайшие ветры показывали через свое стремление ярость и сердце их владельца. Несколько уже тому прошло дней, как сия буря продолжалась, потом вдруг по всему воздуху распространился чрезвычайной зной. Посреди молнии, грома и великих ветров огонь падал с неба и, падавши, сжигал леса и поля, и источник, на берегу у которого Принцесса с своим любовником находились, в минуту высох. Невидимый Принц, всегда прозорливый, не сомневался, что позлащенный фонтан такого же не получил жребия. Он отворил дверь и нашел его иссохшим. Итак, взяв Розалию, вместе вышли. Путешествовали долго, не нашедши Золотого острова; наконец его достигли. Они нашли жителей сего острова в великой печали о похищении Принцессы Аржантины. Принц земли, удрученный ревностью, возвратившись от позлащенного фонтана, унес ее в свой замок, чтоб отнять ее у Принца огня, своего брата. Сей Принц вошел в такое чрезвычайное сердце, что вознамерился поколебать землю.

Невидимый Принц, услышав о несчастье своей сестры, открылся Принцу огня, который не выходил из сада Короля золотого острова, где он часто видел Аржантину. Невидимый Принц показал ему дерево, через которое сходят в замок Принца земли. Принц огня в него вошел и унес Аржантину; а в награждение за дружество невидимого Принца

с Розалией и с Аржантиной взял в свою Империю, где они не могут опасаться ни Принца духов, ни Принца земли.

Принц огня женился на Аржантине, которая стала называться Принцессой огня. Это она, которая начальствует над стихией столь великой и блистающей. Принц спустя несколько дней после их свадьбы привел молодую свою супругу на конец галереи, которая оканчивала его замок, и там отворил подземный ход, который ничем не был освещен, кроме лампад, коих мрачный блеск препятствовал рассмотреть предметы. Принцесса огня испугалась бы, если бы не был с нею ее супруг. Но страх ничего, когда находится с тем, кого любишь; наконец Принц ударил ногой в опускную дверь, и она отворилась; тотчас принцесса почувствовала себя как бы влекомой в глубину пропасти. Наконец дверь остановилась посреди блистающего кабинета. Тут стояли во всяком углу урны хрустальные, наполненные пламенем.

Принц пресек молчание, которое он до сих пор имел: «Вы видите, прекрасная Принцесса, в сих двух урнах то, что я имею драгоценнейшего в своей Империи. Их с вами хочу разделить. Выбирайте из сих двух ключей. Один отворяет урну, в которой находится огнь-жизнь. Одна его искра сильна оживотворить кровь старика самого холодного. С другой пламя любви». «Могу ли я решиться в выборе, — отвечала Принцесса огня. — Мне жизнь не нужна, если я потеряю ваше сердце; подарок, которым вы ныне меня почтите желаете, доказывает вашу вечную ко мне верность и любовь. Я не буду больше бояться вашей измены, потому что я владельница пламени любви». С сего времени ослепленный божок престал распоряжать по своей воле, но препоручил все Принцессе огня.

Кто истинну любовь к любовнице хранит,
Тот все несчастия, печаль и скорбь презрит.

ПРИНЦ АКВАМАРИН

Пер. Н. Мавлевич

Остров дикарей сотрясался от неистовых воплей, эхо в неприступных прибрежных скалах вторило воинственным крикам и лязгу оружия. А рев морских валов, вплетаясь в этот адский грохот, делал его еще ужаснее. Здесь жили кровожадные чудовища, у которых было в обычай предавать смерти всех несчастных, кого разбушевавшаяся стихия заставляла искать спасения на острове. В тот день они выбирали нового короля. Уже пролились потоки человеческой крови, обагрив алтари идолов и пропитав землю вокруг них, а останки злосчастных жертв горели в пламени костра; уже закружились дикии в пляске вокруг этого ужасного костра, как вдруг кто-то из них заметил в море обломки потерпевшего крушение корабля. Ветер пригнал к берегу мачты, снасти и сорванные паруса, а несколько уцелевших людей пытались добраться до суши вплавь. Надежда на скорое спасение придала новые силы уже изнемогавшим от долгой отчаянной борьбы пловцам. Увы! Приближаясь к этому страшному острову, они приближались к гибели, и судьба, посылая их сюда и избавляя от смерти в волнах, уготовала им еще худшую участь.

Не успели чужестранцы ступить на берег, как дикии набросились на них; связали и потащили к алтарям. В один миг перерезали они всем пленникам глотки, наполнили их кровью дымящиеся чаши и осушили их в честь своих богов. И только одного пока оставили в живых: его юность, красота и изящество тронули бы кого угодно, только не этих безжалостных, закоренелых убийц, сызмальства приученных к кровавым пиршествам. То был статный, высокий юноша с благородной осанкой; его прекрасные белокурые волосы спускались до плеч, открытый лоб излучал спокойное величие, а черные глаза обжигали огнем; но главное — было в его облике некое неизъяснимое обаяние, которое пленяло сердца еще больше, чем красота, и делало его неотразимым. Этот лакомый кусочек припасли для будущего короля.

Ритуал избрания был таким же жестоким, как все обычай этого народа. В борьбу вступало шестеро дикарей, снискавших уважение соплеменников особой свирепостью, и

побеждал тот, кому удавалось попасть стрелой из лука прямо в сердце вдовы или ближайшей родственницы усопшего правителя. Так было и на этот раз: королеву привязали к скале, и пятеро соперников уже выпустили стрелы, которые воткнулись ей в руки и ноги. Наступила очередь последнего, шестого. Его стрела засвистела и пронзила сердце бедной королевы. Все племя простерлось у ног нового монарха, а затем его подхватили на руки и торжественно понесли вокруг всего острова. Впереди, потрясая ножами, шествовали женщины и девушки с распущенными волосами. Пение их напоминало вопли безумных вакханок. За ними медленно выступали старцы, согбенные тяжестью не столько прожитых лет, сколько совершенных преступлений, и наконец молодые воины несли самого короля. Замыкал же зловещую процессию связанный молодой пленник, которого оставили на угощение королю; он помертвел от ужаса и шел, не поднимая глаз. Двоих дикарей вели его, словно жертву на заклание.

Сделав круг по побережью, племя направилось на пиршественную поляну. Здесь, посреди леса, были разложены на траве сотни освежеванных звериных туш и расставлены огромные чаши, наполненные кровью. Этот напиток дикари предпочли бы самым изысканным винам и даже божественномуnectару. Короля возвели на покрытый львиными шкурами трон, и он уже занес нож над юным пленником, чтобы перерезать ему горло, как вдруг, выронив оружие, рухнул замертво к ногам чужеземца. Пораженные людоеды воззрились на юношу и в тот же миг, разделив участь своего монарха, свалились мертвыми в лужи крови, пролившейся из опрокинутых чаш.

Невозможно выразить словами, сколь велико было удивление юноши при виде того, как целое племя погиблоrazom, точно сраженное невидимой божественной десницей. На лицах мертвых дикарей застыла жуткая гримаса смерти, похоже было, что их устремленные вверх глаза упрекали богов в убийстве, разверстые уста посыпали небесам проклятия, а окоченевшие воздетые руки еще и угрожали им. Ошеломленный чужеземец схватил оружие короля, пробе-

жал между трупами и бросился в лес. Он бежал без оглядки, пока не достиг места, где из скалы был источник, струи его, низвергаясь, ударялись о камни, и гул этого водопада усугублял уныние пустынной округи. Здесь юноша опустился на землю, и тягостные раздумья о злой судьбе одолели его. С содроганием вспоминал он все, что пришлось ему пережить с тех пор, как покинул он родной Сверкающий остров, которым правил его отец. Хрустальные и изумрудные скалы окружали этот остров, драгоценными каменьями были усеяны его долины, на деревьях росли густо-рубиновые плоды, а над главными городскими воротами возвышались великолепные, ослепляющие взор своим блеском алмазные башни. Вот уже год, как принц покинул родину и скитался по морям.

События этого времени промелькнули в его памяти, и при мысли о том, что он, быть может, никогда больше не увидит отца, принц не смог сдержать слез. Вспомнил он и о том, что король дал ему при расставанье шкатулку, велев открыть ее не раньше, чем через год, и что как раз теперь назначенный срок истекал.

Тотчас же достал он шкатулку, открыл ее и нашел письмо, которое с величайшим волнением принял читать. Письмо было написано рукой короля, и вот что несчастный отец сообщал сыну о причине его невзгод:

«Возлюбленный сын мой! Сколько мог, скрывал я от тебя страшную правду. Богам ведомо: я сделал все, что мог, чтобы умилостивить их, но фея Чернобрада, враждебная нашему острову, обрекла тебя в час твоего рождения на горькую участь. Уж лучше бы она отняла у тебя жизнь — это привело бы меньше страданий и тебе, и мне. Эта злая колдунья явилась в мои владенья, когда все остальные феи уже одарили тебя всеми самыми замечательными свойствами, обладая которыми, ты должен был стать совершенным и счастливым. Они хотели, чтобы у Чернобрады не осталось никакой возможности навредить тебе. Но коварство и жестокость всегда возьмут свое! Колдунья не могла отнять у тебя то, что предсказано другими феями, но она пожелала, чтобы ты наводил ужас на всех смертных, и предрекла, что,

достигнув двадцати лет, ты будешь убивать своим видом каждого, кто на тебя взглянет. Вообрази, какое горе охватило меня, едва фея произнесла этот чудовищный приговор. Всеми силами пытался я смягчить ее, но ничего не достиг; вдобавок, она запретила мне рассказывать об этом проклятье кому бы то ни было, кроме тебя самого, да и то не раньше, чем тебе исполнится двадцать лет, — видно, надеялась, что первыми жертвами станем я сам и мой народ, а ты будешь нашим убийцей. О, я предлагал ей даже свою жизнь, но мои мольбы и слезы не тронули ее, и она унеслась в столбе огня и черного смрадного дыма. Ты знаешь, какими заботами окружал я тебя, пока ты был ребенком, знаешь и то, сколько слез пролил я над тобою — ведь вместе с любовью к тебе росла и моя печаль. Теперь уж никогда больше я не увижу тебя, и ты, наверное, уже успел на опыте убедиться в том, что жуткое проклятье Чернобрады сбывается. Удались же, сын мой, в пустынные места, скройся навсегда от глаз людей, дабы не нести им смерть, живи в уединении и вспоминай хоть изредка о своем отце».

Как только принц — а звали его принцем Аквамарином — дочитал письмо, слезы хлынули из его глаз.

— О боги! — воскликнул он. — Чем заслужил я такую страшную кару! И где найти места столь уединенные, чтобы ни один человек не мог увидеть меня? Во всех моих злоключениях хорошо только то, что судьба вовремя занесла меня к этим жестоким дикарям и что именно они стали моими первыми жертвами.

Наконец удрученный принц встал и побрел прочь из леса. Вскоре он очутился перед воротами деревни дикарей, расположенной в ущелье меж высоких лесистых гор. Помиди деревни протекал бурный горный поток. Стены низких домов были забрызганы кровью, всюду валялись целые трупы или куски человечины — благодаря особому свойству местного воздуха плоть на острове никогда не истлевала. Это зрелище ужаснуло принца, он поскорее ушел из деревни и даже порадовался тому, что очистил землю от такой скверны. Поразмыслив, он решил остаться на острове. Голод ему не грозил, ибо здесь в изобилии росли плодовые

деревья.

Поселился принц в пещере на скалистом берегу, откуда было видно море. Тоскливо и страшно было ему одному в этом заброшенном краю, но мысль о том, что он и должен жить вдали от людей, умеряла его тоску. Приговор, произнесенный феей Чернобрадой в час его рождения, обрекал его на вечное изгнание. Он уже знал, чем чреваты для людей встречи с ним, и одиночество казалось ему не столь тягостным, когда он думал, что здесь его вид никого не убьет. А радости мирной, спокойной жизни могли бы и вовсе утешить его, если бы к страданиям, терзавшим его по милости Чернобрады, не прибавлялись еще и муки любви. Его жгло тайное пламя и ежечасно исторгало вздохи из его груди, хотя он не знал даже имени той, кого любил. У него был лишь ее портрет. В восторженном упоении глядел он на него, и страсть его разгоралась все пуще, а боль становилась все острее.

— О любовь! — сетовал принц. — Из всех пыток, каким ты подвергаешь человеческие сердца, на мою долю выпали наихудшие! Я не знаю, кто моя возлюбленная, и даже мечтать не могу увидеть ее, если не желаю ей смерти. Ибо та, что мне дороже всех на свете, погибла бы при одном взгляде на меня. Что за мученья послали мне боги!

Такими тягостными думами томился принц. Чтобы развеяться, он часто отправлялся на соседний остров, где росли померанцевые леса. Однажды, отдохнув там, он заснул, а проснулся от раскатов грома. Все предвещало бурю: уже поднимались волны, крепчал ветер. Однако принц Аквамарин все же решил, что успеет добраться до своего острова. И действительно, лодка его уже почти достигла берега, но внезапно налетел сильный ветер и унес ее в открытое море. Буря разыгралась со страшной силой, и лодка принца — простой выдолбленный ствол — скоро оказалась за сотни миль от острова людоедов. Принц смиренно ждал конца, который, казалось, был неизбежен, и тут лодка его налетела на риф и разбилась вдребезги. Принц поплыл вперед, надеясь достичь берега, но густившаяся ночь грозила новыми опасностями. В темноте он потерял направление и

уже не знал, приближается ли к сухе или, наоборот, удаляется от нее. Он продолжал плыть, пока совсем не выбился из сил, и уже приготовился встретить смерть, когда наткнулся на железное кольцо, прикрепленное к стене какой-то башни. Ухватившись за него, принц решил дождаться утра, чтобы разглядеть, далеко ли земля. Он испускал тяжкие вздохи и громко сетовал на судьбу, преследовавшую его с таким жестоким постоянством. И вдруг откуда-то сверху до него донесся нежный голос:

— О чужестранец, занесенный сюда по прихоти волн и ветра, не жалуйся больше на свою судьбу. Увы! Если бы ты мог положить конец моим бедам, как я прекращаю твои, спасая тебе жизнь! Держи веревку, еще не пробил час твоей смерти.

Принц Аквамарин не сразу решился воспользоваться предложенной помощью. Он знал, что подвергнет смертельной опасности свою спасительницу, однако же он так ослаб, что не мог больше держаться в воде, и отказаться — значило обречь себя на скорую гибель. Положившись на темноту, он схватился за веревку, поднялся по башенной стене и очутился в комнате, где царил непроницаемый мрак. Чтобы не погубить ту, что вызволила его, принц решил с первыми же проблесками зари прыгнуть назад в море и добираться вплавь до ближайшего острова.

— Я бесконечно обязан вам, — сказал он неизвестной спасительнице, — и не знаю, чем отплатить вам за то великое благодеяние, которое вы мне оказали. Но что может сделать для вас бедный, гонимый злым роком принц? Быть может, сжалившись надо мною, вы лишь спасли меня для новых бедствий, от которых смерть была бы избавлением. Как бы то ни было, скажите мне, в какие края занесли меня волны?

— Вы находитесь в окрестностях острова Ночи, в царстве моего отца, короля, — был ответ. — Эта башня — ее называют Темной — творение феи. В нее не проникают ни лучи солнца, ни мягкий свет луны, ее окружают вечный мрак, скрывающий от глаз даже самые близкие предметы.

Услышав это, принц Аквамарин успокоился. Он боль-

ше не опасался, что его присутствие убьет принцессу, ведь она не сможет увидеть его. Этого не позволит обволакивающий башню непроглядный мрак.

— Но откуда родом вы сами? — спросила в свою очередь принцесса. — И как случилось, что вы попали сюда? Мне не терпится услышать рассказ о ваших приключениях.

Вспомнив о своей горькой участи, принц снова тяжело вздохнул и начал так:

— Я родился на Сверкающем острове, где правит мой отец. У королевы, моей матушки, долго не было детей, что весьма удручало ее супруга. Но наконец она понесла. В час моего рождения во дворец слетелось множество фей, и они даровали мне все совершенства, какие только могут украсить принца. В их честь отец дал роскошный пир. Но в тот самый миг, когда должно было начаться торжество, в пиршественной зале вдруг потемнело. Ее наполнил черный дым, и отец почувствовал, как невидимая рука подняла его на воздух. Феи сразу поняли, что его схватила злая колдунья Чернобрада, но они были не властны над нею. Зная ее жестокий нрав, они только жалели отца. Он же вскоре снова очутился на прежнем месте, но страдание так изменило его черты, что его едва можно было узнать. Однако тщетно расспрашивали его феи о том, что же услышал он от Чернобрады, — он не мог или не смел ничего сказать и лишь рыдал в страшном горе. Чернобрада под страхом самых страшных кар запретила ему передавать ее слова кому-либо, кроме меня.

Король заботливо следил за моим воспитанием, но то, что другим отцам доставляет радость, только увеличивало его боль. С тоской смотрел он, как я взрослею. И чем успешнее усваивай я все, чему меня учили, тем больше он скорбел и плакал. Наконец однажды, когда мне исполнилось девятнадцать лет, отец повел меня к морю. Всю дорогу он молчал, я же шел за ним с трепетом: никогда еще не видел я его таким опечаленным. Дойдя до леса, он нежно обнял меня и сказал:

— Бегите, сын мой, бегите из этой страны, где вы на горе себе увидели свет. Пришло время нам расстаться. Я скрыл

ваш отъезд от наших подданных: они могли бы воспротивиться этому и, желая спасти вас, погибли бы сами. Бегите же, сын мой! Пройдите через этот лес, и вы увидите в море корабль, который я снарядил для вас. Сам я не могу показаться на глаза тем, кого назначил вам в спутники: заметив мое отчаяние, они могут что-нибудь заподозрить. Плывите скорее куда глаза глядят. Вот вам шкатулка, но не открывайте ее, пока не минет год с тех пор, как вы покинули родину.

Говоря все это, он прижал меня к себе и обливался слезами. Я был так потрясен, что едва нашел силы броситься ему на шею.

— Что мне грозит? — вскричал я. — Что может быть хуже смерти? Но если я должен умереть, позвольте мне, отец мой, умереть в ваших объятиях.

— Бегите, — отвечал он, — я, ваш отец, умоляю вас: бегите отсюда, и чем дальше, тем лучше.

С этими словами он высвободился из моих объятий и бросился в чащу леса. Я же стоял, как громом пораженный, и не мог сделать и шагу, чтобы догнать его. А когда спустя несколько мгновений пришел в себя, то, сколько ни искал, нигде не нашел его. Готовый к отплытию корабль в самом деле стоял у берега. Ждали только меня. Отец сказал моим спутникам, что я отправляюсь к островам Благоденствия, расположенным неподалеку от нашего острова. Что ж, вознеся богам молитву о продлении дней моего родителя, я взошел на корабль. Мы взяли курс на острова Благоденствия, но вскоре подул противный ветер и отнес корабль к незнакомому острову, где нам пришлось бросить якорь. Нужно было исправить повреждения, которые нанесла судну буря. Я сошел на землю и очутился в волшебной стране. Ни скал, ни рифов, кругом ровный, отрадный для глаз берег, все дышит покоем: померанцевые аллеи, как лучи, сходятся к виднеющемуся вдалеке городу; аллеи эти прорезают широкие каналы, окаймленные клумбами анемонов, нарциссов, ирисов и тюльпанов. Все это великолепие разбудило во мне любопытство. Я пошел по одной из аллей и увидел идущего со стороны города человека в необычном одея-

нии. Я поспешил ему навстречу. Поверх кафтана из роскошнейшей ткани на нем была надета длинная, до земли, распахнутая спереди мантия с широкими рукавами, на голове — расшитый драгоценными каменьями колпак, в одной руке он держал книгу, в другой — золотой жезл. Увидев незнакомого человека, он остановился, внимательно оглядел меня и заговорил:

— Иди за мной, юный чужестранец. Раз буря занесла тебя на этот остров, воспользуйся кратким временем, которое ты сможешь провести у нас.

Я почувствовал, что меня словно увлекает некая неведомая сила, и пошел за незнакомцем. Он повел меня к городу. А по дороге рассказал о жизни здешних обитателей.

— Наш остров, — говорил он, — на котором собрано все, что только есть в природе самого диковинного, называется островом Белой Магии. Число его жителей всегда неизменно. Среди нас нет соперничества, все мы одинаково могучи и живем в согласии, ибо нам не ведомы ни зависть, ни корысть. Мы все родились в один день и в один день умрем. У каждого из нас есть по одному сыну, но наши дети и жены живут не здесь. В двадцать пять лет все мы женимся на прекраснейших в мире принцессах. Подвластные нам духи приносят нам со всех концов света их портреты, и каждый выбирает себе невесту. В один и тот же день наши жены рождают сыновей и растят их до двадцати пяти лет. Мы же к тому времени достигаем пятидесятилетнего возраста, когда наступает срок отречься от земных радостей и когда все мы должны умереть. Тогда мы призываем на остров своих жен и сыновей. Сыновьям передаем волшебную книгу и жезл и сходим в могилу вместе с женами, которым любовь велит следовать за нами в царство вечного мрака. Как раз сегодня наступил этот день, так что очень скоро солнце, небо и свет дня померкнут для меня, я исчезну из жизни и кану в небытие.

Между тем, мы уже подошли к городу. Повсюду высились мраморные палаты, чудо зодческого искусства. Мы прошли город из конца в конец, а затем мой спутник привел меня на вершину горы, с которой можно было обозреть

весь остров. Тут он обнял меня и сказал:

— Данной мне волшебною силой я могу открыть тебе твое будущее, но лишь отчасти. Может статься, это убережет тебя от грядущих бед.

Он начертил на земле круг своим жезлом и велел мне встать в середину, открыл книгу, трижды взмахнул жезлом, и вокруг меня заклубился туман. Он становился все гуще и гуще, так что я уже не видел ни неба, ни земли, когда же мрак рассеялся, то, к вящему моему удивлению, все, что окружало меня прежде, исчезло: не было больше ни мага, ни горы, где я стоял, ни самого острова. Я плыл по морю на потрепанном бурей судне, борясь с высокими волнами, но вот мой корабль разбился о скалы, а я упал в воду и пошел ко дну. Под водою я увидел стаю морских чудищ, которые при моем приближении уплыли прочь, оставив принцессу дивной красоты, которую я подхватил на руки. Прелестное лицо ее было бледно, а глаза закрывались от страха, но едва она увидела меня, как румянец заиграл на ее щеках. Никогда в жизни не видел я девушки прекраснее. Но не успела она поблагодарить меня за спасение, как еще одно чудище, страшнее прежних, вырвало ее у меня. Я рванулся, чтобы освободить ее из мерзких лап, но тут все померкло и пропало. Туман мало-помалу рассеялся, и вот я снова стоял рядом с магом на вершине горы. О, как я сожалел, что волшебство так скоро кончилось. Я был во власти чар принцессы и желал, чтобы это видение никогда не исчезало. В сердце моем уже загорелась любовь. С восторгом вспоминал я пленительный образ, который с тех пор стал причиной многих страданий. Боясь пошевельнуться, снова и снова мысленно рисовал каждую черточку промелькнувшего передо мной неотразимо прекрасного лица. Несчастный, я не знал еще, что любовь навек запечатлела их в моей душе. Я стал умолять мага сказать мне, возможно ли, чтобы боги на самом деле создали земную женщину столь дивной красоты, что она похитила у них, бессмертных, почести, которые лишь им и воздаются, или же это только наваждение. И он ответил мне в таких выражениях:

Живет равнин текучих на краю
Принцесса, чьи черты тебе так милы.
Настанет час — узришь любовь свою
Скорбящей у своей могилы.

— Как долго еще назначили мне боги влачить земное существованье и для чего не оборвут они жалкую нить моей жизни, коль скоро моей тени будет даровано блаженство узреть такую дивную красу! И если, чтобы жить, надо откастаться от счастья видеть ту, кого я боготворю, то не лучше ль умереть!

Захваченный внезапно вспыхнувшей страстью, я не сразу заметил отсутствие моего спутника. Он шел к близлежащему лесу, и я скоро догнал его. Здесь росли мирты, струившие до небес нежное благоуханье. Весь лес состоял из множества одинаковых аллей, а в промежутках между миртами располагались черные мраморные надгробия и великолепные белые статуи.

— Здесь, — промолвил волшебник, — могилы всех наших предков. В каждой аллее ровно столько могил, сколько жителей на острове, так что каждое поколение заполняет новый ряд.

Я обошел аллеи, где покоились первые маги. Тишина царила здесь, и все: неподвижные мирты, чьи листья никогда не колышет даже легчайший ветерок, гробницы, равно отстоящие друг от друга, — все внушало священный трепет. Наконец мы добрались до аллеи со свежевыкопанными пустыми могилами. На мой недоуменный вопрос маг сказал, что эти могилы предназначены для ныне живущих на острове, и объяснил, что вскоре я стану свидетелем того, как одно поколение сменяется другим. В тот же миг вокруг потемнело, загрохотало, земля задрожала под ногами, но вскоре же все стихло, и я увидел множество летящих по воздуху колесниц. Одна за другой они опускались на нашу аллею, и из каждой выходила принцесса, держа за руку юношу. Они направлялись к могилам, на краю которых уже сидели маги. После прощальных объятий отцы передавали сыновьям волшебный жезл и книгу и сходили в могилы

вместе со своими женами (ибо прибывшие принцессы и были супругами магов), и наконец все могилы одновременно сомкнулись. Тогда ко мне подошел сын того волшебника, который сопутствовал мне, и сказал, что мне больше нельзя оставаться здесь и я должен покинуть остров, так как сейчас начнутся тайные обряды в честь усопших отцов, запретные для глаз непосвященных. Расставаясь со мною, он заключил меня в объятия и подарил портрет принцессы, которую я видел в глубине моря. Стоило мне взглянуть на это так поразившее меня лицо, как рана в моем сердце открылась вновь. То был драгоценный подарок, и я жадно глядел на портрет все время, пока шел назад к берегу моря. Взойдя на корабль, я все еще не мог оторвать от него глаз, каждый день осыпал его поцелуями, и страсть моя разгоралась все сильнее. Наконец я решил объехать весь свет, лишь бы отыскать ту, что была на нем изображена. Пошла вторая неделя нашего плавания, когда снова налетела буря, подхватила корабль, и он снова долго носился по необозримым морским просторам. Когда же, не выдержав настиска стихий, он дал течь, мы попытались доплыть до видневшегося вдали острова. Но, великие боги! Уж лучше бы нам было захлебнуться и пойти ко дну, чем выйти на этот роковой берег. Там жили дики, которые зарезали всех моих спутников. Я видел чаши, наполненные их кровью, которые эти изверги приготовили для пира. Меня же остали как лакомую пищу для их гнусного короля. Уже собралось в лесу, на поляне, где обычно проходят пиры, все племя, уже король замахнулся ножом, чтобы перерезать мне горло, но вдруг свалился к моим ногам мертвым. Дики с изумлением воззрились на это чудо и тут же разделили участь своего монарха. Все они испустили дух у меня на глазах. Опасаясь, как бы не явились новые, я наспех вооружился и бросился в лес. Там, размыщляя о своих злоключениях, я вспомнил о шкатулке, которую дал мне отец, и велел открыть через год после отплытия от родных берегов. Сосчитав дни, я убедился, что с тех пор истек ровно год, достал шкатулку и открыл ее.

В этом месте принцесса острова Ночи прервала принца Аквамарина, ибо услышала звуки труб, флейт и барабанов.

— Я с состраданием следила за вашим горестным рассказом, — сказала она, — и жажду услышать, что было с вами дальше, но я вынуждена прервать нашу беседу, как бы приятна она мне ни была, потому что сюда приближается лодка короля. Перейдите в другую комнату, принц, и позовьте мне надеяться, что, как только отец удалится, вы, ничего не упуская, доведете до конца рассказ о ваших приключениях.

Промолвив это, принцесса вышла на балкон башни на встречу отцу.

— Сюда, ко мне, дочь моя! — воскликнул король. — Настал конец нашим страданьям. Боги, которых я ежедневно вопрошаю, возвестили сегодня, что угроза миновала! Придите же в объятия отца, я так долго ждал этой минуты!

И, покинув башню, принцесса взошла в лодку. Отец с дочерью нежно обнялись, хотя и не видели друг друга в беспроблесковой темноте. Гребцы направили лодку к берегу, откуда слышалась музыка, громкое пение и восторженные крики — это народ встречал принцессу. Что до нее самой, то она предпочла бы повременить с возвращением и дослушать рассказ принца Аквамарина, но не смела признаться отцу, ведь оракул сулил ей страшные несчастья, если она пустит кого-нибудь в башню. И она сошла на остров Ночи. Впервые глаза ее увидели свет: всюду на острове стояли высокие мраморные колонны, на которых в бронзовых сосудах, наполненных никогда не иссякающей горючей жидкостью, пылали огни. Не будь их, на острове всегда царил бы мрак. Принцессу повели в столицу по еловой аллее, освещенной такими же неугасимыми фонарями, укрепленными на ветвях деревьев. У ворот королевского дворца тоже стояли светильники, и равного этому дворцу не было в мире. Он весь переливался огнями, и даже на крыше сияли яркие плошки. Дворцовый парк также всегда был усеян огнями. Принцесса поднялась на верхнюю террасу дворца, чтобы полюбоваться всем островом. Все это освещение было делом рук феи, покровительницы здешних мест, кото-

рая постаралась исправить таким способом допущенную природой несправедливость.

С изумлением смотрела принцесса, как велик и роскошно отстроен город. Видела она и окружающие столицу высокие стены, и ее окрестности. Повсюду: на стенах, на каждом дереве — горели волшебные светильники, так что леса и холмы были подобны созвездиям, излучающим мягкий, приятный свет. У принцессы разбежались глаза при виде этой россыпи огней, но в еще большей растерянности пребывала ее душа. Принц Аквамарин занимал ее мысли. Сожалением думала она о том, что так и не узнала, чем кончилась его история. И, хотя она не видела его, но он уже внушал ей нечто большее, нежели простое любопытство. «Принц, которого феи наградили всеми мыслимыми совершенствами, — рассуждала она, — должен быть весьма пригож». И ей очень хотелось взглянуть на него. Увы! Знай принцесса, что это желание грозит ей смертью, это, верно, умерило бы ее пыл. Но как было вернуться в Темную башню тайком от отца, да и какой в том был прок? Ведь увозить с острова даже самый маленький огонек было строжайше запрещено. Так что она могла бы только разговаривать с принцем. И все равно она пыталась представить себе, каков же он собой. Как-то раз, гуляя в дальнем конце дворцового парка, она раздумывала о том, что рассказал ей принц Аквамарин, а также о своей судьбе: о том, как, по велению феи, она должна была безвылазно жить в Темной башне до тех пор, пока ее не освободит некое чудовище, которое убивает одним своим видом — уж не принц ли этот ее освободитель? Ни сама принцесса, ни ее отец, каждый день вопрошавший богов, когда кончится затворничество дочери, не могли уразуметь, что это за страшилище смертоносного вида, но вот теперь оракул возвестил, что настал день избавления. И радость принцессы отправляли подозрения. «Как, — думала она, — неужто принц, которого я воображала таким обворожительным, и есть то самое ужающее создание? Зачем же тогда я стремлюсь увидеть его? Да, это, несомненно, он, ведь оракул не мог ошибиться!» Эти рассуждения совсем было отбили у принцессы охоту

наведаться в Темную башню. Но вот она дошла до ворот некоего святилища. То был храм Морфея. Принцесса прошла великолепной галереей, затем отделанным порфиром и мрамором коридором и наконец попала в само святилище. В глубине его, перед изваянием бога, изображенного спящим, положив руку под голову, постоянно курились тончайшие благовония. По всему залу были устроены заманчивые ложа из трав и цветов, а посредине стоял жертвенник, на котором лежали охапки маков — единственное подношение, которое принимал этот бог. Лишь только пришедший сюда возлагал на алтарь эти цветы, как по жилам его разливалась непреодолимая дрема. Глаза его сами собою закрывались, он погружался в забытье, и во сне ему открывалось то, что он хотел бы узнать. Принцесса тоже положила перед Морфеем маки и, почувствовав, что ноги ее подгибаются, легла на ложе из фиалок и уснула, желая увидеть в вещем сне принца Аквамарина.

Едва сомкнулись ее очи, как бог сновидений явился ей в облике принца Аквамарина. Увидев прекрасного юношу, совсем не похожего на мерецившееся ей страшилище, принцесса тотчас проснулась.

— О боги! — воскликнула она. — Возможно ли, чтобы смертный человек превосходил красотою небожителей!

Думая, что все еще спит, она стала искать принца глазами, но бесплотный призрак уже ускользнул. Принцесса была раздосадована тем, каким мимолетным оказался сон. Она поднесла Морфею еще маков. Устремив на изваяние бога страждущий взор, она молила его вернуть ей милое сердцу виденье, но чудо даровалось лишь единожды. Напрасно замирала она в надежде — Морфей не внял ее мольбам и лишь сам уснул, убаюканный ими. Принцесса покинула храм, горя желанием увидеть принца. Любовь овладела ее сердцем. Она уже не принадлежала себе, не могла думать ни о чем другом и, отдавшись сладостным мечтам, брела по лесу, сам не зная куда, предоставив случаю направлять ее стопы. Нежданно-негаданно вышла она на берег моря, к тому самому месту, где стояла лодка, на которой она приплыла из Темной башни. Увидев ее, принцесса сразу поняла, что нуж-

но делать: скорее плыть в башню и уговорить принца явиться ко двору ее отца. Она взошла в лодку и, перебирая руками протянутую до самой башни веревку, быстро добралась до цели. Из башни доносился голос принца Аквамарина, и его пению вторили эхом скалы:

Твоя, о море, мирная волна
Лобзает сонный берег, твой лик открыт и светел,
Но вдруг гроза и буйный ветер
Покой смутят, прогонят негу сна.
Грохочет в тучах гром, сверкает огнь небесный,
И вторит грому рев валов,
Ты берег покинуть жаждешь тесный,
Достав до звезд и сушу расколов.
Не так ли настигает нас любовь,
От безмятежной дремы душу пробуждает,
Огонь желанья зажигает,
И в сердце мир не воцарится вновь.
Но ярость грозных волн на вспененном просторе,
Вой ветра, рваных туч хаос —
Подобье слабое, о море,
Бушующих в груди любовных гроз.

— Какое зло причинила вам любовь, принц? — сказала принцесса острова Ночи. — И какие еще приключения вы пережили? Я пришла дослушать ваш рассказ, говорите же. Море спокойно, оно затаило дыхание, словно жаждет со мною вместе узнать, какова была ваша дальнейшая судьба.

Принц Аквамарин был счастлив тем, что принцесса вернулась: тайный голос шептал ему, что она и есть та красавица, которую показал ему маг и по которой изнывало его сердце. Он возобновил прерванный рассказ:

— Итак, в чащे леса, у водопада, я, трепеща, открыл шкатулку, которую дал мне отец. В ней было письмо. Отец собственноручно сообщал мне жестокий приговор.

И принц слово в слово пересказал принцессе содержание письма; она узнала, что злая фея Чернобрада, враж-

довавшая с его отцом, обрекла его убивать своим видом каждого, кто посмотрит на него.

— Не могу передать вам, — продолжал принц, — что стало со мною, когда я дочитал письмо. Первой моей мыслью было броситься прямо в пропасть. Но какая-то сила удерживала меня, и я понял, что мне не дано умереть. Теперь я знал, почему все дикари умерли, едва взглянув на меня, и даже благодарил небо за то, что мое появление здесь избавило мир от таких бесчеловечных выродков. Я обследовал остров и увидел такое, что привело меня в ужас. Наконец, я нашел себе пещеру и зажил там, добывая пищу охотой и рыбной ловлей и проводя время в прогулках вдоль морского берега; единственной же радостью моей было смотреть на портрет принцессы, которую я любил все больше и больше. Ни днем, ни ночью не расставался я с портретом. Засыпал с ним в руках, а просыпаясь, вновь видел его перед собой. Время от времени я отправлялся на соседний остров, покрытый померанцевыми рощами. И вот однажды я там заснул, и, пока я спал, море раз波动овалось; я же неосторожно решил все-таки вернуться к себе на остров. Лодку мою подхватил ветер и унес в открытое море; много дней носилась она по волнам, пока не разбилась у стен этой башни, и тут вы спасли меня.

— О принц! — воскликнула принцесса острова Ночи. — Значит, если я посмотрю на вас, это будет стоить мне жизни?

— А я с радостью отдал бы свою за то, чтобы увидеть вас хотя бы на миг, — отвечал принц. — Время бессильно стереть прекрасный образ той, что я видел в морских глубинах. Он навек запечатлен в моей душе. И я уверен: принцесса, которую я так люблю, это вы. За что такие терзанья, о боги! Я не могу взглянуть на свою возлюбленную, ибо мой вид убьет ее!

— Не вы один на свете столь несчастны, — сказала принцесса. — Не знать, кого любишь, еще не так страшно, куда хуже знать и любить, не имея возможности увидеть.

Смысл сказанного принцессой остался неясен для принца. Ведь он не мог проникнуть в ее сердце и потому не при-

дал значения вырвавшимся у нее словам. Теперь настал его черед просить принцессу рассказать, почему она жила в Темной башне. И принцесса поведала ему, что, едва она родилась на свет, как к ее колыбели была призвана фея, покровительница острова, а та велела во избежание беды держать ее в этой башне до того дня, когда явится чудище, убивающее одним своим видом, и освободит ее. Не удергавшись, принцесса рассказала принцу Аквамарину также и о том, как любопытство привело ее в храм Морфея, и, опасаясь, как бы ее любовь не выдала себя окончательно, поспешила покинуть башню.

Вернувшись во дворец, принцесса объявила королю, как следовало понимать предсказание феи о таинственном страшилище, убивающем своим видом, и рассказала ему историю принца Аквамарина. Король, растроганный горестной судьбой скитальца, приказал доставить ему в башню все необходимое для жизни. Иногда он вдвоем с дочерью отправлялся побеседовать с принцем, и они старались скрасить его существование в темнице. Однако, заботясь об успокоении принца, принцесса острова Ночи сама потеряла покой. Не в силах больше таить в себе свою любовь, она убегала в лесные дебри, чтобы громко кричать о ней; голос ее срывался, а речи порою были бессвязны; в глазах ее горел мрачный огонь, лицо утратило яркие краски — словом, красота ее потускнела так, что в ней с трудом можно было признать прежнюю принцессу. Наконец она поняла, что не может больше противиться своему чувству и должна признаться в нем тому, кто покорил ее. С такими мыслями отправилась она однажды в Темную башню. Чем ближе подплывала лодка, тем сильнее билось сердце принцессы. Достигнув стен башни, она принялась звать принца. Но он, обычно спешивший на первый же зов, на этот раз не откликнулся — принцесса испугалась. Она звала снова и снова, но ответа все не было. Проникнуть в башню без лестницы было невозможно, поэтому принцессе пришлось вернуться на остров, дождаться, пока служанка принесет лестницу, и лишь тогда она смогла забраться внутрь башни — уж она-то знала здесь каждый уголок. Увы! Ей не пришлось долго искать. Едва

ступив на балкон, она ощутила под ногой чье-то тело. Она нагнулась и ощупала его: то был бездыханный, холодный как лед труп. Принцесса ни на миг не усомнилась в том, что это принц Аквамарин.

— О небо! — вскричала она. — Мой возлюбленный мертв!

И захлебнулась безудержными рыданьями. Но делать нечего, принцесса наконец оторвалась от тела принца, приказала невольнику перевезти его на остров и устроила пышное погребение. Для могилы она выбрала место в кипарисовой роще на берегу моря. Тело сожгли на большом костре. Пепел же принцесса собрала сама, положила в урну, сделанную из цельного изумруда, и захоронила. На могиле установили надгробие из черного мрамора, укращенное четырьмя бронзовыми статуями. Надпись на нем, сделанная золотыми буквами, гласила:

Здесь покоится несчастный принц Аквамарин.

Тот, что по воле феи злой
Был осужден изгнание терпеть;
Его увидев, умереть
На месте должен был любой.
Но, чтоб хоть раз тебя узреть,
Я отдала бы жизнь, любимый мой.

Около этой гробницы принцесса проводила все время, свободное от придворных церемоний. Теперь она не боялась признаться в своей любви к принцу Аквамарину и говорила о ней во весь голос ручьям и прудам, нарушая лесное безмолвие вздохами и стенаниями. Итак, принцесса думала, что принца больше нет на свете. Но напрасно она сокрушалась, напрасно оплакивала его! Принц Аквамарин был жив. Вот как все произошло: о том, что дочь короля острова Ночи живет в башне посреди моря, прослышили пираты и, надеясь получить крупный выкуп, решили ее похитить; однако вместо принцессы они нашли в башне принца Аквамарина; он отчаянно сопротивлялся, но одолеть пиратов в одиночку не смог и должен был покориться силе.

Первого из нападавших принц задушил, остальные же набросились на него скопом, схватили, привязали к мачте своего корабля и подняли паруса. Так он был принужден покинуть башню, где наслаждался обществом принцессы.

Пиратам недолго пришлось ждать наказания за свою дерзость: как только корабль миновал область вечного мрака, окружавшую остров Ночи, и заблистали первые лучи солнца, все они попадали мертвыми, увидев принца Аквамарина. Однако положение принца оставалось незавидным. Привязанный к мачте, он был обречен на голодную смерть и не мог рассчитывать на помощь, ибо любой, кто заметил бы его, тотчас же погиб бы сам. Корабль плыл, куда нес его ветер. Наконец он наткнулся на песчаную мель и повалился на бок. Рядом возвышался до самого неба неприступный утес. Принцу не оставалось ничего другого, как только дожидаться близкого конца. Но, даже чувствуя дыхание смерти, он думал лишь о своей принцессе. Силы его убывали, свет померк в глазах, он уже ничего не видел и безжизненно по ник. Долго длилось его забытье, но все же он очнулся. Каково же было его удивление, когда, придя в себя, он увидел, что лежит на лугу! Он попытался встать, но не смог — не хватило сил. Тщетно гадал он, как очутился здесь, и вдруг увидел незнакомку с корзиной фруктов в руках.

— Бедный принц, — заговорила она, подойдя к нему, — еще не настал конец вашей жизни, которую боги оберегают, несмотря на заклятье феи Чернобрady.

Услышав ненавистное имя, принц чуть было снова не лишился чувств, но незнакомка продолжала:

— Я фея, живу на этом скалистом острове, к которому принесло ваш корабль. Гуляя здесь на лугу, я сверху увидела вас, мне стало вас жаль, и я вызволила и перенесла вас сюда. Феи всеведущи, и мне известна ваша судьба.

Я знаю и ваши сокровенные мысли. Знаю, что вы влюблены в принцессу и что приговор судьбы мешает вам увидеть друг друга, ибо это грозит смертью вашей возлюбленной, но знаю также, что придет день, когда ваши беды кончатся.

Эти обнадеживающие слова вполне вернули принца к

жизни. Он встал на колени перед своей избавительницей.

— Встаньте, принц, — приказала фея. — Вам дозволено оставаться здесь всего на один день, а я хочу многое показать вам.

Они углубились в лес, окаймлявший луг, и вскоре очутились перед медными воротами необычайной толщины. Еще не дойдя до них, принц услышал душераздирающие вопли, а подойдя, прочел такую надпись:

Здесь любовь вершит свой суд.

Фея прикоснулась волшебным жезлом к воротам, и они распахнулись. Принц вошел и увидел большую площадку, обнесенную железной решеткой. Множество ручьев с прозрачной, как стекло, водой, протекало по ней, а над ними склонились принцы и принцессы — их было столько, что и не счесть, — и, казалось, пристально разглядывали что-то. Судя по всему, то, что они видели, причиняло им жестокую муку: они жалобно кричали, но оторваться не могли.

Принц Аквамарин спросил у феи, что все это означает.

— Здесь, — отвечала она, — Любовь карает тех, кто согрешил против нее. Неверные любовники постоянно видят в ручье, как их новые подруги вкушают блаженство в объятиях другого и смеются над их страданиями. Они покинули своих прежних возлюбленных ради новых, пожертвовав счастьем взаимной любви, а те предали и презрели их самих, и теперь они терзаются раскаянием и яростью. Такое наказание определено им навечно. Ревнивцам ясно представляется все то, что еще распаляет их ревность. Ветреники обретают постоянство, но зато беспрестанно видят, как их бесстыдно предают те, кому они верили. Словом, каждый испытывает на себе боль, которую причинял другому, и пыткам этим не будет конца.

Наконец они покинули это страшное место; фея отвела принца к скале, близ которой он потерпел бедствие, и сказала:

— Любовь доверила мне не только карать изменников, но и вознаграждать верных влюбленных. Правда, я не могу

снять с вас проклятье Чернобрады, но вот эта волшебная палочка выручит вас там, где без нее вы бы пропали. Стоит три раза повернуть ее, и все, кого вы пожелаете усыпить, тут же заснут, если же вы повернете ее в другую сторону, сон так же быстро отлетит от них. А это значит, что вы сможете, когда захотите, появляться среди людей, не убивая их, ведь они не будут смотреть на вас. Но это еще не все: корабль, на котором вы прибыли сюда, отныне будет сам направляться, куда вы ему прикажете. А теперь прощайте, принц, и верно служите Любви, помните, что это божество никогда не оставляет тех, кто истинно ему привержен.

Разумеется, принц, только и думавший о принцессе острова Ночи, велел кораблю плыть к Темной башне, туда, где царил беспространственный мрак, но где он мог хотя бы внимать голосу своей возлюбленной. Когда же корабль пристал к башне, он бросился в воду и вплавь достиг берега острова в том месте, где к нему подходит кипарисовая роща. Пробираясь от дерева к дереву и от куста к кусту, он набрел на гробницу и прочел надпись на ней:

Здесь покоится несчастный принц Аквамарин.

Озадаченный, принц стоял у могилы, не зная, что подумать, пока какой-то шум не вывел его из оцепенения и не заставил спрятаться, чтобы его никто не увидел. Шум приближался — то была колесница принцессы. С первого же взгляда принц признал в ней ту, что была нарисована на портрете. Она сошла на землю, подошла к надгробию, прислонила к нему и оросила слезами.

Принц решил, что, не найдя его в башне, принцесса сочла его мертвым. Укрытый густым кустарником, он жадно разглядывал принцессу, с радостью убеждаясь, что портрет и оригинал схожи, как две капли воды. Тут в памяти его всплыло предсказание мага о том, что он увидит желанную принцессу лишь у своего надгробья. Все так и случилось, и он не только видит ее, но и уверен в том, что она его любит. Никогда еще проклятье Чернобрады не казалось ему столь обременительным. С каким восторгом бросился бы он к но-

гам принцессы, не удерживай его страх послужить причиной ее смерти. Боясь, как бы она не обернулась в его сторону, он старался не дышать. Какой влюбленный выдержит такую муку: найти свою возлюбленную после долгих-долгих поисков и прятаться от ее взоров. К тому же, принц не мог известить принцессу о том, что он вернулся. Впрочем, как ни велики были его терзанья, но принцесса горевала еще больше. Она обливалась слезами и никак не могла оторваться от дорогой гробницы. Тут-то принц и вспомнил о волшебной палочке, подарке феи. Пустив ее в ход, он усыпил принцессу, вышел из своего убежища и приписал на памятнике такие слова:

Грустна, как прежде, и по-прежнему верна,
Явилась тень моя развеять ваше горе.
Скорей туда, где башня тьмы возведена, —
И обретете радость вскоре.

Принц мог бы еще долго с упоением разглядывать прелестную принцессу, если бы не страх: он еще не был уверен в надежности волшебной палочки. Поэтому он оторвался от сладостного созерцания, расколдовал принцессу и помчался снова на берег. Вскоре он уже снова сидел в Темной башне, снедаемый любовной тоской.

Как только над остальным миром забрезжила заря, принцесса острова Ночи вышла из дворца и направилась к могиле мнимого принца Аквамарина. Строки, написанные на кануне рукою настоящего принца, бросились ей в глаза. Радостное волнение охватило принцессу при мысли, что она сможет еще раз поговорить со своим возлюбленным, и, сгорая от нетерпения, она словно на крыльях полетела на берег, села в лодку и поплыла к заветной башне. А принц, услышав плеск воды о борта приближающейся лодки, возвиковал душой. Потекла долгая беседа. Уверенная, что говорит с тенью, принцесса без смущения открыла свое сердце. Принц узнал, как велика ее любовь и ее скорбь о его кончине.

И тогда он не выдержал и рассказал принцессе все, как было на самом деле: как на него напали и захватили в плен пираты, хотя он боролся один против всех и даже убил одного разбойника — его-то останки принцесса и удостоила пышного погребения; как он, привязанный к мачте, чуть не умер от голода и как его спасла фея. Услышав все это, принцесса почувствовала, что принц стал ей еще дороже. Разве не вытерпел он столько мук ради нее? И разве не справедливо было бы вознаградить его за это всей нежностью ее любящего сердца? Влюбленные поклялись друг другу в вечной верности. Принцесса покинула башню и вернулась во дворец бесконечно счастливая тем, что вновь обрела своего милого друга. С тех пор не проходило дня, чтобы она не наведалась в Темную башню. Они любили друг друга с одинаковым пылом и были так счастливы, как только могут быть счастливы смертные. Они разговаривали часами и не могли наговориться вдосталь. И хотя принц Аквамарин страдал от того, что лишен возможности видеть принцессу, но его согревала надежда на то, что в один прекрасный день все его беды кончатся, как было обещано феей. Он любил и был любим, и это заменяло ему все на свете. Но завистливая судьба не дала продлиться их счастью и обрушила на них новые несчастья.

Однажды, когда принцесса в своем легком чепчике была на полпути к башне, ее застигла буря, разыгравшаяся так внезапно, что она не успела ни вернуться назад, ни доплыть до башни. Высокая волна захлестнула и опрокинула лодку. Принцесса закричала от ужаса так громко, что поджидавший ее принц Аквамарин услышал и не медля прыгнул в воду, поняв, что принцесса тонет. Он так торопился прийти ей на помощь, что забыл взять с собою волшебную палочку. Плыть пришлось долго, так как принцессу уносило все дальше в море. Принц плыл на ее крики, но они внезапно оборвались, и он подумал, что принцесса утонула. Представьте себе его отчаяние! Он боролся с волнами, собрав последние силы, и вот увидел принцессу на поверхности воды, она не шевелилась и казалась мертвой. Принц притянул ее к себе и направился к ближайшему из двух виднев-

шихся вдали островков. Больше всего он боялся, как бы принцесса не пришла в себя. Случись это, и ее бы уже ничто не спасло от смерти, а потому, чуть только вытащив ее на берег, принц принужден был оставить ее в таком плачевном состоянии. Все равно привести ее в чувство он не мог — услуга обернулась бы для нее гибелью, а так оставалась, по крайней мере, надежда, что ей окажет помощь кто-нибудь другой. Он спрятался поблизости в пещере, откуда мог, не будучи замеченным, наблюдать за всем происходящим. Не прошло и минуты, как он увидел выходящего из лесу страшного великана. Найдя лежащую без чувств на берегу принцессу, он поглядел на нее, а затем выхватил из-за пояса огромнейшую саблю, ухватил принцессу за волосы, обмотал их вокруг своей руки и уже собирался обезглавить ее, но крик принца заставил его оглянуться — и в тот же миг он упал мертвым.

То был страшный остров Великанов, где существовал жестокий обычай убивать каждого, кто сюда попадет, будь то случайный странник или жертва кораблекрушения. Принц поднял принцессу и снова пустился вплавь, пока не достиг соседнего острова. Там он положил ее на траву, ковром устилавшую берег, и спрятался в лесу. Как раз в это время случай привел сюда охотившегося в тех местах короля острова. Его поразила красота принцессы, хотя и несколько потускневшая сейчас, когда она лежала в обмороке. Он спешился, позвал слуг и велел отнести принцессу в свой дворец. Принц Аквамарин проводил ее взглядом, приблизиться же не посмел. Лишь когда король и его свита окончательно скрылись из виду, он покинул пещеру. Что за несчастный жребий: другие влюбленные упорно ищут встреч с теми, кого любят, он же должен столь же упорно этих встреч избегать!

Оставаться дольше на острове принц не мог — слишком опасен для людей был его вид. И он вернулся в Темную башню, решив взять свою волшебную палочку, поскольку вернуться сюда и забрать принцессу. Но внезапная буря, длившаяся несколько дней, помешала ему сразу же выйти в море. Когда море наконец стихло, принц велел волшеб-

ному кораблю, который подарила ему фея, плыть туда, где он оставил принцессу. Сойдя на берег, он трижды повернулся волшебную палочку и усыпал весь остров. После этого, ничего не опасаясь, он направился прямо в королевский дворец, но принцессу там не нашел. Самого короля сон настиг в то время, как он, судя по всему, отдавал какие-то распоряжения. Принц обыскал парк, вышел на другой берег острова и увидел там башню. Он пошел к ней. Башню окружала железная ограда. Внизу была темная каморка, куда свет проникал лишь через узенькое зарешеченное окошко. Над ней располагалась вторая такая же, а на самом верху помещалась стража, охранявшая башню днем и ночью. Принц заглянул через окошко в нижнюю каморку. И кого же, о боги, он увидел — свою принцессу! Она сидела, подперев голову рукой, заплаканная и совершенно измученная.

От жалости у принца едва не разорвалось сердце. Но как узнать, почему принцессу заточили в темницу, — разбудить ее теперь же он не осмеливался! Оставалось только одно: проникнуть в верхнюю каморку, которая, на счастье, оказалась незапертой. Так он и поступил, а затем, трижды повернув палочку в обратную сторону, разбудил одну только принцессу и окликнул ее. Радость принцессы, услышавшей голос своего возлюбленного, не поддается описанию! Что за чудесное пробуждение! Поначалу она решила, что еще спит. Но все же подбежала к окну и вскоре убедилась, что голос принца ей не пригрезился и сам он в той же башне. Как же он здесь очутился? Принцесса хотела спросить об этом принца Аквамарина, но он опередил ее.

— Какой варвар, какой бесчеловечный злодей может держать мою принцессу в тюрьме? — вскричал принц.

— Как я попала на этот остров, я и сама не знаю, — отвечала принцесса. — Я плыла, как обычно, к вам в Темную башню, как вдруг налетела буря и разбила мою лодку. Я потеряла сознание, а пришла в себя уже здесь благодаря заботам короля. Неведомо как очутилась я в его дворце. Он же говорит, что нашел меня на берегу.

Тогда принц Аквамарин объяснил принцессе, что это он спас ее, рассказав о буре, о кровожадном великане.

— Но за что вас бросили в тюрьму? — снова спросил он.
— Какое преступление могла совершить моя принцесса?

— О! — воскликнула принцесса. — Мое преступление заключается в том, что я люблю вас и не захотела изменить клятве быть верной вам до гроба: король предложил мне разделить с ним трон, если я отвечу на его любовь, но ни его просьбы, ни угрозы не могли склонить меня на это. Не добившись ничего добром, жестокий король решил действовать принуждением, навсегда лишив меня свободы. Он приказал заточить меня в эту башню, которую когда-то воздвигла некая фея и которую он один может открыть. Так что никто на свете не может вырвать меня из рук мучителя, но теперь мне ничего не страшно — ведь я снова могу говорить с моим возлюбленным.

— Зато я страшусь за вас, — возразил принц. — Что еще придется вам вытерпеть и как вызоволить вас из этого ужасного места?

Когда слова иссякли, влюбленные горько заплакали, но наконец принц Аквамарин вспомнил о короле и разбудил его, чтобы он чего-нибудь не заподозрил. Очнувшись, король устремился в башню, где была заточена принцесса острова Ночи. Он был удивлен настигшим его внезапным сном и понял, что принцессе помогает некая волшебная сила. Но подозрения его утихли, когда он нашел принцессу на прежнем месте. При виде прекрасной пленницы в нем снова взыграла страсть. Он стал уговаривать ее подчиниться его воле, грозил, что если она будет упорствовать, ей придется еще хуже.

Принц Аквамарин слышал его неистовые угрозы. Не раз порывался он предстать перед королем и покарать его смертью за муки, которые он причиняет принцессе. Но что тогда стало бы с нею и с ним самим? Ведь дверь тюрьмы мог открыть только король. И, утолив жажду мести, принц отрезал бы принцессе путь к спасению. Поэтому, смирив гнев во имя любви, он решил отложить наказание короля до того времени, когда принцесса будет на свободе.

Когда король наконец ушел, принц усыпал стражу и они с принцессой придумали план ее освобождения. Затем он вернулся на корабль и направил его к Темной башне, куда как раз в это время явился король острова Ночи, чтобы разделить с принцем скорбь о пропавшей дочери. Принц рассказал ему обо всем, что произошло, и прибавил, что не видит другого средства освободить принцессу, кроме как захватить в плен короля-мучителя и держать его самого в заточении до тех пор, пока он не согласится отпустить свою узницу. Вняв этому совету, король острова Ночи снарядил небольшой отряд, и они отправились на волшебном корабле принца туда, где томилась принцесса. Снова пустив в ход волшебную палочку, принц стремглав помчался к башне. Но напрасно звал он принцессу — ее не было. Принц бросился во дворец, но и там было пусто. Он обыскал весь остров — тщетно. Наконец, поняв, что план похищения сорвался, он вернулся на корабль, где оставил усыпленными короля острова Ночи и его воинов, и приказал волшебному судну плыть туда, где находилась принцесса. Долго плыл по морю корабль, пока не остановился у заросшего густым лесом острова. Вооружившись своей палочкой, принц усыпал всех здешних жителей и направился в город, видневшийся в дальнем конце рассекавшей лес аллеи. Там, на площади перед большим дворцом, он увидел толпу людей — все население острова, — обступившую сложенный посередине высокий костер. С великим изумлением он увидел, что на самой вершине костра к столбу привязана принцесса, а с нею рядом тот король, что домогался ее любви; пламя уже подступало к их ногам. Он горячо возблагодарил богов, которые привели его сюда как раз вовремя, чтобы успеть спасти принцессу. Отвязав свою возлюбленную и взяв ее на руки, он затем пробудил жителей острова и, представ перед ними, воздал им смертью за их злодеяния. Ибо эти варвары напали на остров, где жила в заточении принцесса, захватили ее и короля и теперь собирались убить их обоих. Явясь принц Аквамарин хоть минутой позже — и принцессы уже не было бы в живых. Он отнес ее на корабль, доставил вместе с отцом на остров Ночи, а сам вер-

нулся в Темную башню.

Очнувшись от волшебного сна, принцесса и король поспешили изъявить свою благодарность принцу Аквамарину. Теперь, когда принцесса была стольким обязана ему, она полюбила его еще сильнее. Стоило ей вновь услышать любимый голос, как она тут же забыла обо всех перенесенных тяготах и муках. Но увы! Счастье не может долго сопутствовать любви.

Неподалеку от острова Ночи лежал другой остров, которым правил сын феи Чернобрады. И был он еще во сто крат зловреднее своей матери. Свет не видывал такого урода. Это был карлик, а два горба — один спереди, другой сзади — делали его еще безобразнее. Маленькие, глубоко запавшие глаза с вывороченными красными веками, вздернутый нос, спутанные рыжие космы, лоб весь в морщинах, шишках и шрамах, гнилые зубы, бескровные, свисающие до самого подбородка губы, кривые ноги, а сердце еще страшнее, чем все остальное, вместе взятое. Однажды, пролетая над островом Ночи на влекомой драконами колеснице, он заметил принцессу, которая гуляла в дворцовом парке. И она так понравилась ему, что он тотчас спустился на землю и потребовал, чтобы король отдал ее ему в жены. Король ужаснулся, но, страшась коварства и злобы колдуна, пожертвовал дочерью ради своего народа. Он знал могущество сына Чернобрады. Знал, что, если ему откажут, он в отместку уничтожит весь остров. Злополучная принцесса была отдана этому мерзкому горбуну, и он унес ее в свой дворец. Это было похоже всего, что случалось с нею раньше. Все произошло так быстро, что у нее даже не было возможности предупредить принца Аквамарина. Новоявленный жених потребовал, чтобы она следовала за ним немедленно.

Отчаяние принцессы было беспредельно. Не меньшей была и тревога принца Аквамарина. Заподозрить принцессу в неверности он не мог и не знал, как объяснить ее долгое отсутствие. Он предпочел бы смерть мукам неизвестности, но что стало бы с ним, узнай он, в чьих руках она очутилась!

Супруг запер принцессу на сто замков в бронзовом дворце и стерег ее днем и ночью. Рядом с опочивальней принцессы располагалась комната, в которой он предавался каким-то таинственным занятиям. От принцессы он отходил только затем, чтобы перейти туда, и так круглые сутки. Оконо во дворце совсем не было. А освещала его волшебная лампа, которая могла летать по воздуху и светить, где ей прикажут.

Принцесса плакала все дни напролет и с болью в сердце думала о том, в какую тревогу повергло ее исчезновение принца Аквамарина, — она любила его по-прежнему. Но сделать что-нибудь была бессильна.

Злобный карлик не спускал с нее глаз. А в те редкие минуты, когда она оставалась одна, она могла лишь оплакивать свою участь.

Но вот однажды ночью, когда колдун, казалось, спал крепче обычного, принцесса решила разузнать, что же было в той комнате, где он так часто уединялся. Она вытащила у него ключ, тихонько встала и велела волшебной лампе освещать ей дорогу. Выйдя из спальни и проникнув в заветную комнату, она увидела стол, на котором лежала какая-то книга и стояло великое множество флаконов. На каждом был ярлык, и принцесса подошла поближе, чтобы прочитать их. Первый же флакон, который ей попался, содержал, судя по надписи на ярлыке, снотворную жидкость; чтобы усыпить кого-нибудь на сто лет, достаточно было окропить его глаза всего лишь одной ее каплей. Недолго думая, принцесса схватила склянку и на цыпочках, чуть дыша, подошла к постели мужа. Не теряя драгоценного времени на то, чтобы вытаскивать пробку и отсчитывать капли, она просто-напросто разбила флакон об голову ненавистного урода, усыпив его таким образом не на сто, а на сто миллионов лет. Оставшись госпожой всего дворца, она вернулась в ту, прежнюю комнату, открыла лежащую на столе книгу и принялась читать ее. Оказалось, что все флаконы заключали в себе судьбу разных принцев и принцесс со всех концов света, которых заколдовали фея Черноброда и ее сын, и что чары продлятся до тех пор, пока не разбит флакон. Она по-

искала и нашла флакон с судьбой своего возлюбленного, взяла его и, лелея мысль о том, как снимет проклятье с принца Аквамарина, выбежала из дворца колдуна, перебив предварительно все флаконы, кроме одного. В нем была живая вода, притом такая, которая не только воскрешала людей, но и делала их кроткими и добрыми; эту склянку она также прихватила с собою.

Принцесса пустилась по морю прямо к Темной башне. Вернуться на остров к отцу она не решалась, чтобы не прогневать его. Любовь влекла ее туда, где был ее принц.

А уж как обрадовался принц Аквамарин, услышав голос принцессы острова Ночи! По ее просьбе он спустился из башни на палубу ее корабля. Принцесса рассказала ему обо всем, что с нею было, а потом разбила флакон, разрушив чары феи Чернобрады. Между тем, корабль, никем не управляемый, отплывал все дальше от Темной башни. Вот уже заблистали лучи солнца и влюбленные наконец-то увидели друг друга. Это счастье заставило их забыть обо всем, и судно, лишенное кормчего, налетело на риф и разбилось. Принц помог принцессе доплыть до недалекого берега, а выбравшись на сушу, узнал тот самый остров людоедов, куда когда-то занесла его буря. Теперь здесь не осталось ни души. Принц показал принцессе поляну, где лежали тела всех населявших прежде остров дикарей, которые умерли, взглянув на него. Их вид пробудил жалость принца, и он предложил принцессе воскресить их с помощью живой воды. Принцесса охотно согласилась. Они сбрызнули волшебной жидкостью мертвых дикарей — те ожили и, утратив свою прежнюю свирепость, признали принца с принцессой своими законными владыками. Вскоре остров, еще недавно наводивший на всех ужас, чудесно преобразился и стал называться Счастливым.

ОБ АВТОРЕ

Луиза Левек, урожденная Кавелье (1703-1745) — французская беллетристка, поэтесса, драматург. Дочь прокурора руанского парламента. Получила хорошее домашнее образование, затем вышла замуж за королевского жандарма Левека, с которым уехала в Париж; вращалась в литературных и интеллектуальных кругах. Ее перу принадлежат стихи, галантные и бурлескные поэмы, либретто так и не увидевшей сцены оперы *Юдифф*, комедия *Счастливый автор* (1740), повести и романы (*Селени: Аллегорическая история*, 1733; *Лилия, или История Карфагена*, 1736; *Наш век, или Мемуары графа де Соленвиля*, 1736-1741).

По мнению Левек, «роман должен был подобен прекрасной клумбе разнообразных цветов, каждый из которых совершенен в своем роде. В нем можно критиковать нравы, восхвалять добродетель, говорить о любви, но любви чистой и благородной; изложение должно быть точным, диалоги живыми и не слишком частыми, события правдоподобными, выражения тщательно подобранными и соответствующими предмету, но

прежде всего, повествование должно зиждиться на добрых чувствах». Любимым романом Левек был *Дон-Кихот* Сервантеса, которому она посвятила *Критические заметки* и бурлескную поэму *Губернатор Санчо-Панса* (1738).

Сказки *Принц Аквамарин* (*Le Prince des Aigues-Marines*) и *Невидимый Принц* (*Le Prince Invisible*) были впервые изданы в одном томике в 1722 г. и впоследствии неоднократно переиздавались.

Перевод сказки *Невидимый принц* публикуется по первоизданию (*Сказка невидимой принц, или Волшебные приключения и хитрости обороты, производимые сим Принцом, посредством волшебного камня. Переведена с франц. языка Александром Остафьевым. М., 1793*). Орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

Перевод сказки *Принц Аквамарин* вошел в антологию *Французская литературная сказка XVII-XVIII вв.* (М., 1990) и взят из общедоступных сетевых источников.

На фронтиспise иллюстрация К.-П. Марилье к сказке *Принц Аквамарин* из т. 24 «Кабинета фей» (1786). В оформлении обложки использована работа К. Нильсена.

Оглавление

Невидимый принц	6
Принц Аквамарин	32
Об авторе	64

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.